

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

ЧВК ВСЕВЫШНЕГО

Михаил, Меч Господа

Гай Орловский
ЧВК Всевышнего

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

ЧВК Всевышнего / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2019 — (Михаил, Меч Господа)

ISBN 978-5-04-101267-0

Портал из Ада – что может быть опаснее? Вот-вот вслед за одиночками хлынут сотни и тысячи могучих демонов, что горят ненавистью к человеку. Азazelь и Михаил с преданной ему Обизат отчаянно ищут союзников в неравной борьбе... и находят в самом неожиданном месте.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101267-0

© Орловский Г. Ю., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Гай Орловский
Михаил, Меч Господа. Книга
пятая. ЧВК Всевышнего

© Орловский Г. Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Часть первая

Глава 1

В мертвой тишине четыре пистолета и гранатомет продолжали смотреть черными дулами на властелина преисподней, а он без тени страха или беспокойства все так же вольно восседал в кресле гостинной и неотрывно смотрел на Азазеля.

Михаил затаил дыхание, ладони с зажатými в них рукоятями пистолетов вспотели от волнения, даже подушечки указательных пальцев взмокли на спусковых скобах. Сатан, однако, как будто не чувствует ни малейшего волнения, скользнул по нему и Бианакиту с Обизат равнодушным взглядом и снова перевел царственный взор на Азазеля.

– Да ладно, – проговорил он холодно и спокойно, – я не ссориться пришел.

Михаил и Бианакит с Обизат не шелохнулись, Азазель после минутного колебания произнес таким же ровным голосом:

– Похоже, у тебя в самом деле что-то серьезное. Ребята, займитесь пока своими делами.

Сатан некоторое время смотрел, как они занялись своими делами, то есть разошлись в разные стороны гостинной, и теперь он очутился на прицеле одного пистолета и двух гранатометов.

– Хорошая у тебя команда, – произнес он сухо. – Преданная.

– Не мне, – уточнил Азазель, – а идее, это надежнее. Так, говоришь, троих сыновей князей Ада кто-то убил?.. А они, как почему-то полагаю, были не совсем в пленках?

Он опустился в кресло напротив, внешне спокойный и тоже непривычно царственный, Михаил даже восхитился предельной уверенностью на его крупном костистом лице, хищном, с вытянутым заостренным подбородком. Глаза чуть навывкате, за которыми Михаил всегда видел мощный мозг, что не знает ни секунды покоя, а орлиный римский нос подчеркивает уверенный и независимый характер.

Сатан покачал головой, взгляд темных, как извечный хаос, глаз оставался мрачным и загадочным.

– Не знаешь?.. – Голос его прозвучал почти спокойно, однако Михаил чувствовал за этим спокойствием бурю. – Да, вид у тебя таков, что не знаешь, хотя это ж ты, Азазель! Тебя не прочесть, если сам не позволишь... Но если не ты, то это вообще ни в одни ворота... Там были очень сильные и умелые бойцы! Все еще не признаешься? Их семьи горюют и требуют от меня ответа. Я сказал им все, что знал. Надеюсь, мне поверили, но теперь, как почему-то кажется, сами будут искать виновного. Так что я тебе не завидую.

Азазель картинно вздохнул, закинул правую ногу на колено левой, так садятся дипломаты враждующих сторон, подчеркивая, что разговор на этот раз идет доверительный и как бы почти дружеский.

– А я при чем? – поинтересовался он. – Те рассерженные родственники поймут, когда поговорят со мной.

– Не уверен, – сообщил Сатан все так же холодно и с мрачной угрозой в голосе. – Все три семейства жаждут крови. Сперва убьют, а потом спросят, не ты ли виноват.

– Да, – согласился Азазель, – презумпция невиновности не их конек. Правда, и не мой тоже. Кстати, ты такой же.

Сатан пожал плечами.

– Это ты такой же. Так как это тебе удалось?

Азазель некоторое время рассматривал его со всем вниманием.

– Зная тебя, – сказал он, – я предположил бы, что это какой-то хитрый ход. Но ты вроде бы несешь эту чушь всерьез... Но тогда зачем мне такая хрень нужна? Да и не знаю я никого из них!.. Родителей знаю, с Велиалом общались по-доброму, хотя зануда редкостный, с Вельзевулом как-то вместе... Впрочем, это совсем другая история. Почему вдруг решил, что убил именно я?

– Возможно, – сказал Сатан с расстановкой, – убили вместе с твоим странным помощником? Он показал себя как хороший боец. Со мной дрался без страха.

Михаил не шелохнулся, только покосился на Обизат и Бианакита. В прошлый раз Сатан даже не обратил внимания на выстрелы в упор, но на этот раз Азазель принес особые патроны, то ли с урановыми головками, то ли еще что-то особо технологичное, изготавливаемое в засекреченных лабораториях для особых случаев и особых операций. Возможно, одна такая пуля продырявит и Сатана, если в самом деле пробивает лобовую броню танка.

Азазель тоже покосился на Михаила, а Сатану ответил со скромным достоинством:

– Я себе подбираю хороших помощников, не спорю. У меня и вкус, и стиль. Но могу заверить, хоть и не поверишь, этих трех мы не убивали. По крайней мере вот так явно, мол, взяли и убили!.. Как-то грубо даже, не находишь? Я в последнее время начал отходить от таких примитивных схем. Предпочитаю высокие технологии, хотя биткоины так и не купил, а вот насчет эфиземов подумываю... Говорят, ими убивать можно тоже, но красиво. А почему такая странная идея насчет моей или даже нашей причастности? Поделиться можешь?

Сатан посмотрел с сомнением, Михаил видел, как властелин преисподней заметно колеблется, но все же сказал с неохотой:

– Могу. Все-таки ты не враг, хоть и хитрая сволочь, своего не упустишь.

– Не отвлекайся, – попросил Азазель мягко.

– Вы вовлечены, – сказал Сатан, Азазель наострил уши, Сатан пояснил: – Мне напомнили, что моя дочь отбилась от рук, не слушается никаких правил, законы клана игнорирует, правила рода для нее не указ... А в последнее время начала интересоваться миром людей, что совсем уж недопустимо. Я решил выдать ее замуж...

Обизат тихонько вздохнула, Сатан бросил в ее сторону внимательный взгляд и наверняка заметил, что она продолжает целиться ему в голову.

– Хорошее дело, – согласился Азазель. – Вот уж не думал, что в тебе проснется что-то родительское... А так да, женщины должны сидеть дома и рожать детей. Законы клана святы для всех, а для этих существ так и вовсе. Ну-ну, дальше!

Обизат нахмурилась и метнула на Азазеля сердитый взгляд. На ее лице крупными буквами было написано, что одно дело заполучить дитя от самого великого воина, другое – сидеть дома.

Правда, пистолет в ее руке смотрится как одно целое со всем телом, а смотрит хищно и с готовностью к бою.

Сатан, что неотрывно следил за лицом Азазеля, сказал уже без энтузиазма:

– Как раз эти трое и были претендентами на ее руку.

– Ага, – сказал Азазель заинтересованно, – уже интереснее. Хочешь сказать, кто-то очень не хотел, чтобы твоя дочь вышла за кого-то из них?

– Точно, – подтвердил Сатан. – Что, признаешься?

Азазель отшатнулся.

– А я при чем?

– Мою дочь зовут Аграт, – сказал Сатан. – Ну-ну, что так переменялся в лице?... Или делаешь вид, что не знал? А чего ты сам так заинтересован, чтобы Аграт оставалась в твоих помощниках?

Азазель сказал с самым ошалелым видом:

– Погоди-погоди... Аграт... твоя дочь?

– Что, – поинтересовался Сатан, – в самом деле не знал?.. Правда, это очень давняя история, но все-таки...

– Если и знал, – ответил Азазель, – то забыл. Делать мне нечего, чем запоминать всех твоих отпрысков! Я и своих-то давно забыл... Знаешь, Сатан, посмотри на все трезво. Я не прочь оставить Аграт себе в помощниках, но, извини, для этого не пойду убивать ее женихов! Тебя малость занесло. Неверной дорогой идете, товарищ! Поправить вас надо. Наш здоровый коллектив за это возьмется...

Сатан вздохнул, провел ладонью по лицу, по коже пробежали багровые искры, словно под нею море раскаленного металла.

– Вижу, – произнес он почти устало, – но уже все варианты перебрал... Те убийства были не случайны!.. Кто-то убрал всех троих за то, что добивались ее руки.

– Других причин нет? – спросил Азазель настойчиво. – Подумай!

Сатан пробормотал:

– Конечно, наше время такое, у каждого есть причины быть убитыми, но чтобы всех троих за короткое время?.. Должна быть какая-то связь. А их всех связывало то, что я предложил им жениться на Аграт.

Он умолк в глубокой задумчивости. Азазель выждал, поинтересовался:

– Всем троим?

– Да, – ответил Сатан, взглянул на лицо Азазеля, поморщился. – Конечно, на ее выбор. Ну, почти...

– Понятно, – произнес Азазель, хотя Михаилу показалось, что ему совсем непонятно. – И что теперь?

Сатан пожал плечами:

– Пока не знаю. Красивая сделка сорвалась. Но что-то придумаю. Я такие дела не бросаю.

– Аграт за это время убежит, – напомнил Азазель. – Знаешь, я бы на твоём месте сам отправил бы ко мне. Здесь не натворит беды, я присмотрю. И ты будешь в курсе, я буду все сообщать... если хочешь.

Сатан нахмурился.

– К тебе? Ни за что!

– Чего вдруг?

– Азазель, у тебя такая репутация...

– Как знаешь, – ответил Азазель. – Мы же с тобой не противники. Даже союзники, оба выступали за перемены, помнишь?.. Только ты как бы радикал, даже ультра, а я крайне умеренный.

Сатан посмотрел на него с иронией.

– Крайне умеренный, это почище радикала?

– Не придирайся, – ответил Азазель. – В преисподней, как я осведомлен, всяк тянет одеяло на себя, идет борьба за влияние...

– Ни за что, – отрезал Сатан. Он вздохнул, сказал сухо: – Еще увидимся.

Азазель смотрел на него внимательно и задумчиво, Михаил сказал бы, что ему пришла в голову некая дикая мысль, но не решается даже вышептать, пока хорошенько не помнет, не простучит со всех сторон и даже не попинает ногами, проверяя ее живучесть.

Сатан продолжал некоторое время вглядываться в лицо Азазеля, у Михаила появилось нехорошее предчувствие, что Сатан как-то умеет определять, когда ему врут, а вот Азазель смотрится как-то не очень, будто говорит одно, а думает другое.

– Ладно, – произнес Сатан, – не ты так не ты.

Он неспешно поднялся, огромный и величественный, Михаил ощутил идущие от него волны недоброй мощи. Все трое, кроме Азазеля, напряглись, продолжая держать его на прицеле.

По тонким губам Сатана пробежала беглая улыбка, то ли одобрителная, то ли насмешливая.

– Твои соратники всегда готовы к бою, – произнес он. – Уж не они ли сумели?.. Или как?

Михаил ощутил на себе его взгляд, но продолжал с тем же суровым видом держать его на прицеле.

– Не они, – подтвердил Азазель. – Все были при мне.

Сатан кивнул.

– Ладно. Еще увидимся. Скажи только своему помощнику, пусть не прикидывается полным идиотом. Он не идиот, заметно... Портал откроешь?

Азазель ответил мирно:

– Ты и сам умеешь.

Сатан оглянулся, на полном гордыни лице проступило некоторое изумление.

– Снова доступ?

Азазель кивнул.

– Мы в самом деле на одной стороне. Как мне кажется.

– Да ни за что, – отрезал Сатан.

Он резко провел сверху вниз рукой, Михаил услышал жуткий звук распарываемой ткани пространства. Сатан с небрежностью властелина всего на свете взялся за край надреза, отогнул, как почудилось Михаилу, и шагнул во тьму.

Глава 2

Края сомкнулись, Михаил успел увидеть быстро исчезающий шрам, и снова мир стал прежним, а Бианакит и Обизат со вздохами облегчения опустили оружие.

Азазель оглядел их смеющимися глазами.

– Перетрусили?.. Да ладно, меня самого потрянуло... Чего такие бледные?.. Забыли, что у нас десерт на столе?.. Все взад, все взад!.. Доедим сладкое, повеселеете, тогда и подумаем. От сладкого голова лучше работает, а слипнется так слипнется.

Бианакит и Обизат послушно, еще ошарашенные, двинулись на кухню. Михаил наконец оторвал взгляд от того места, где только что была щель в пространстве.

– Азазель... как ты их убил, что никто из нас даже не заметил?.. И чего вдруг?

Азазель с самым оскорбленным видом сдвинул плечами.

– Ты же слышал!.. Я ни при чем. Сатан поверил.

Михаил покачал головой.

– Он не поверил. Просто не нашел, на чем тебя прищучить. Но я знаю тебя, и... ты врал ему!

– Заметил? – спросил Азазель с интересом. – Тогда Сатан прав, ты хоть и меднолобый, но не совсем дурак, если такое как-то учуял. А сейчас топай-топай к столу. А то смотри, какие у Обизат глаза! Все слопает.

– Не учуял, – уточнил Михаил, – а ощутил.

Бианакит уже из кухни сказал мирно:

– Я тоже не поверил. Думаю, и Сатана обмануть не удалось. Будет копать еще. Убийство троих сыновей князей Ада – слишком заметное преступление. Там такое не оставят.

Обизат послушно первой опустилась на свое место, а чтоб Азазель не говорил всякое обидное и несправедливое, разделила свою порцию тортика, большую половину заботливо переложив на тарелку Михаила, мужчинам нужно есть больше, они же умные и всегда правы.

Азазель посмотрел на каждого, только Обизат глядит в ответ чистыми детскими глазами, Михаил и Бианакит ждут ответа.

Он тяжело вздохнул, в неловкости развел руками.

– Ладно... Жаль, что не сумел утаить, но Сатан в самом деле жук хитрый... Князь Обмана и Отец Лжи!.. Даже я с ним в таком деле не тягаюсь, как видите... а еще говорите, хитрый, хитрый! Да я с ним рядом сама невинность, непорочность и целомудренность.

Михаил потребовал:

– Так как ты...

Лицо Азазеля стало строгим, а в голосе прозвучал холодок:

– А вот это не разглашается.

Михаил дернулся.

– Почему?

– Потому что откроется доступ и к другим тайнам, которые вам знать не положено. Потому просто забудьте, выкиньте из голов... и вообще, вам что, делать нечего? Забыли, над чем мы должны думать и к чему подбирать ключи?

– Визит твоего друга все перемешал, – признался Бианакит.

Азазель взглядом указал Михаилу на пустой фужер перед Обизат.

– Налей девочке, не ленись. Хорошие манеры состоят из маленьких жертв.

– Да ладно, – буркнул Михаил. – Нечего спаивать ребенка.

– Я не ребенок, – ответила Обизат обиженно. – Я буду носить в своем чреве твое дитя!

Михаил чуть не подавился куском торта, Бианакит ухмыльнулся, Азазель откровенно и нагло заржал, а Обизат посмотрела на всех огромными зелеными глазами, полными недоумения.

– Я что-то не так сказала?

– Все так, – заверил Азазель. – Ты у нас еще откровеннее Мишки, что просто удивительно.

Обизат сказала с укором:

– Ты зря говоришь так непочтительно о моем господине и повелителе. Он велик и силен, как могучий носорог на боевой тропе по весне, как алчущий крови лев, завидевший антилопу...

– Точно, – с пафосом подтвердил Азазель. – Он и похож на алчущего крови антилопу по весне!.. Так, а теперь по фужерчику вина на дорожку, а то уже ночь на дворе, а там стритрейсеры носятся, как самашедшие...

Фужерчик вина на дорожку с удовольствием осушил Бианакит, глаза довольно заблестели.

– Спокойной всем ночи! – сказал он с чувством. – Кроме Михаила, конечно. Которому предписано... Азазель, за ночь что-то придумаешь?

– У меня само придумывается, – уклончиво ответил Азазель. – Я же творческая натура!.. У нас гениальные идеи всегда между бабами и пьянками как бы сами по себе... А вы куда, господин Мишка? Вы, как бездомный клошар, ночуете здесь под присмотром.

Бианакит, ухмыляясь, вышел в прихожую, входная дверь послушно распахнулась на лестничную площадку. Михаил успел увидеть, как Бианакит нажал кнопку вызова лифта.

Дверь тут же захлопнулась, послышалось легкое пощелкивание задвигаемых запоров.

Обизат прошептала:

– Я сейчас вернусь!

Михаил проводил ее взглядом, а когда она беззаботно скрылась в ванной, повернулся к Азазелю.

– Может, все-таки скажешь, зачем это сделал?

Азазель огляделся, понизил голос до шепота:

– Тебе нужна правда?

Михаил ответил величественно:

– Правда нужна всем. Господь велит всем быть правдивыми!

– Ага, – сказал Азазель саркастически, – а кто тут красиво и с вдохновением вещал, что все в мире делается по его воле?.. Чё, стыдно стало?

Михаил буркнул:

– Ничуть. Если Господь допускает иногда ложь, то с какой-то благой и совсем неполживой целью. А врать нехорошо!

– Да-да, – подтвердил Азазель. – Иногда. Ну совсем-совсем иногда!.. Ладно, вот тебе правда. Готов?

– Говори.

– Не упадешь? – поинтересовался Азазель. – Пойдем в гостиную.

И хотя гостиная с кухней одно целое, кухня у Азазеля сама по себе роскошный зал, но гостиная – это гостиная, располагает как к чувственным, так и степенным беседам на любые серьезные темы.

Михаил опустился в кресло, не сводя с Азазеля строгого взгляда.

– Уже придумал, что соврать?

– Обижаешь, – воскликнул Азазель. – Зачем придумывать заранее? Я всегда могу симпровизировать!

Он сел красиво и картинно, элегантно, пахнувший хорошим вином и вроде бы даже женскими духами, мерзавец, благожелательно улыбнулся.

– Мишка, – произнес он подчеркнуто таинственным шепотом, – правда в том, что я никого из тех трех не убивал! Не знал, что убиты, и вообще услышал об этом от Сатана, когда он явился вот с такими красивыми и лестными для меня обвинениями!

Михаил рассматривал его набычившись, Азазель выглядит искренним, но он умеет выглядеть таким, какую бы громадную ложь ни громоздил одну на другую, как циркач, прямо перед глазами.

– Но Сатан тебе не поверил, – ответил он холодно. – Как думаешь, почему?

– Не догадываешься?

– Нет.

– Потому что, – сказал Азазель отдельно, словно разговаривал с альтернативно одаренным, – я не хотел, чтобы он поверил!.. Тонкая игра, понимаешь? Которая мне, одухотворенной личности, как раз и свойственна, а также присуща. Это не мечом бить по головам братьев наших меньших!.. Если бы он поверил, то начал бы рыть в другом направлении!.. Возможно, в нужном. А так будет подозревать меня, а все улики подбирать по принципу: уличают меня или нет! Понял?

Михаил с минуту переваривал сказанное; в самом деле, Азазель есть Азазель, как не бросить ложный след, если можно, да еще и позабавиться, а здесь, если ничего по своему обыкновению не соврал, помимо забавности ситуации противник точно зря потеряет время и силы.

– Бианакиту, – проговорил он с сомнением, – и Обизат не скажешь?

Азазель улыбнулся с тем покровительственным видом, что всегда бесил Михаила, даже если понимал, что тот делает нарочито.

Не отвечая, он встал из кресла, подошел к окну. С большой высоты весь район как на ладони, высотные дома красиво подсвечены снизу, а выше светятся только окна, красочное и немного жутковатое зрелище.

– А ты как думаешь?

– Зная тебя...

– Меня никто не знает, – прервал Азазель, – вот такой я загадочный и непонятый ни одной стороной, ни другой, ни даже третьей... Да что там они, такая мелочь? Я сам собой все еще недопонял в своем величии и цветном разнообразии, вот что грандиозно и проблематично!

Михаил скривился, словно вместо вина хлебнул уксуса.

– Господи, какое самомнение... Как это Сатан успел опередить тебя со своей гордыней?

– Да, – признал Азазель, – здесь я дал промашку... Теперь бы правил Адом, а ты бы тут общался с Сатаном.

Плечи Михаила передернулись сами по себе, Азазель ехидно улыбнулся, глядя, какими дикими глазами посмотрел на него Михаил.

– Совсем сдурел?

Азазель сказал с горестным вздохом:

– Какой ты... прямой. Как можно быть таким занудой?.. Надо жить свободно и раскованно... Как пираты, которых мы ловим и вешаем. Биану не сказал, и тебе бы не стоило... но сейчас хотя бы знать буду, кто проболтался.

– А если к Биану или Обизат подберутся с вопросами?

Азазель снова отвернулся к окну, некоторое время молча всматривался в оживленное движение на проезжей части, наконец с самым небрежным видом пожал плечами.

– Оба вполне искренне подтвердят, что, судя по моему хитрому виду, это я убил. А вот с какой целью и как – они и сами не знают.

Михаил спросил внезапно:

– А с какой целью ты их убил?

Азазель оглянулся, вскинул в изумлении брови.

– Это у тебя такое чувство юмора?

– Я все еще не верю тебе, – сообщил Михаил.

– Это хорошо, – ответил Азазель. – Недоверчивость – маленький плюсики твоей чистой натуре. Вот бы еще сделать ее злобной и хитрой...

Михаил отшатнулся.

– Да ни за что!

– Ладно, – ответил Азазель печально, – буду хитрым за всех. А злобным ты и сам скоро станешь. Жизнь сама по себе злобная, озлобит и озубит. Будешь сперва бить, а потом смотреть, того ли ударил... и не добавить ли еще.

– Ни за что, – возразил Михаил с достоинством. – Я никогда не унижусь до.

– Жизнь не спрашивает, – пояснил Азазель. – Ты научишься идти на компромиссы!

Он прислушался, из ванной комнаты доносится тонкий голосок Обизат, попискивает песенку из старого кинофильма о войне; ухмыльнулся, война войной, но слова о нежной любви под пулями и на краю гибели всегда звучат современно и трогают даже заскорузлые сердца.

– Она славная.

Михаил встрепнулся:

– Чего?

– У злых людей нет песен, – авторитетно заявил Азазель. – Обизат не злая. Но и не хорошая. Да-да, пока никакая, так что от тебя зависит, какой станет. Не осрамись! Жаль будет потерять девочку, если ее поглотит Тьма. А Тьма за всеми нами охотится. Даже за тобой. Теперь особенно.

– Не дам, – сказал Михаил твердо. – И ее не дам. Так что насчет Сатана?.. Не юли, я вижу, когда что-то задумал.

Азазель ответил с великой скромностью:

– Я всегда что-то да задумываю. Набрался от людей, среди которых всю жизнь... Животные и ангелы не планируют и не задумывают. Живут и живут, даже существуют, а люди постоянно хитрят, им всегда чего-то недостает, а когда получают, то начинают хотеть и добиваться чего-то еще выше... Вот и у меня это уже в крови и творческом характере.

– Не юли, – сказал Михаил.

Азазель развел руками.

– Да я и сам пока только ищу подходы. Это же Сатан, высший из Князей Ада!.. Его даже косвенно использовать не удастся, разгадает.

Михаил насторожился.

– Использовать? Сатан – враг!

– Враг, – согласился Азазель, – но умный и хитрый. Он проиграл один-единственный раз, второй раз такого не допустит. Потому пока что в рамках как бы дозволенной оппозиции. У любой власти хватит дурной силы, чтобы сокрушить и полностью уничтожить оппозицию.

– Тогда чего же.

Азазель закончил:

– Но сильный правитель ее терпит! Сегодня оппозиция, а завтра поумнеет и перейдет на сторону власти.

Михаил сказал строго:

– Эй-эй, не забывайся. Решил Сатана перетащить на сторону Господа?

Азазель вздохнул, театрально прошелся вдоль панорамного окна, красиво и многозначительно заложив руки за спину.

– Оппозиция, – напомнил он, – приносит пользу уже тем, что собирает под свои знамена всех недовольных. Это хорошо, когда все в одном месте, не надо ловить по всему миру.

– Ага, – сказал Михаил довольно, – вот ты о чем? Всех прихлопнуть разом?

Азазель взглянул с укором.

– Милитарист и военщина... Да ты сядь, успокойся! А то смотришься так, что вот-вот меч выхватишь... Если оппозиция растет, то сразу видно, насколько сам не прав! Оппозиция не возникает на пустом месте. Не все так просто, Мишка!.. Ты уже видел на примере тех караванчиков, что и в преисподней свои течения, брожения, культы, борьба за власть, всякие пророки и лжепророки... и много чего еще.

– Все, – отчеканил Михаил, – зло!

– Но разных оттенков, – уточнил Азазель. – А это значит, с некоторыми можно договариваться.

Михаил отшатнулся.

– О чем? О чем можно договариваться со Злом?

– О совместных действиях, – пояснил Азазель, – против Зла неправильного оттенка.

– А какое неправильное?

– Все, – пояснил Азазель мирно, – но каждый считает правым только себя, а остальных – вставшими на неверный путь.

– А мы с кем?

– С кем нам выгоднее, – ответил Азазель. – Того считаем меньшим злом, с которым совместно повоюем с большим злом.

– А когда большее уничтожим...

– Меньшее станет большим, – сказал Азазель с той улыбкой, словно разговаривал с недоразвитым ребенком.

Глава 3

Михаил нахмурился, для Азазеля это понятно и естественно, он всю жизнь в интригах и в союзах с сомнительными людьми и демонами. Уже и забыл, как отвратительно об этом узнать нормальному человеку, не говоря уже об ангелах.

– Шутишь?

– Знакомое зло, – пояснил Азазель, – уже как бы меньшее зло. Незнакомое зло всегда тревожит. Вообще-то не знаю даже, может ли общество развиваться без зла? Причем достаточного количества, что обеспечило бы прогресс и процветание? По-моему, быстро пришло бы в упадок!.. Потому, уверен, Творец сотворил Зло в больших и мелких масштабах, чтобы человек рос и развивался в труде и борениях.

Михаил прервал с отвращением:

– Добро может прожить без зла, а зло без добра не может!..

– Потому оно необходимо, – согласился Азазель невозмутимо. – Стремление искоренить или уменьшить зло всегда рождает еще больше зла!.. Потому у людей такой быстрый прогресс в науке и культуре.

– Почему?

– Зло никогда не спит, – пояснил Азазель, – в отличие от добра, к тому же часто просыпается.

Михаил сказал сердито:

– Беда в том, что очень мало таких, кто умеет делать добро; зато все умеют творить зло!

– Это да, – согласился Азазель с похвалой, – в этом люди преуспели!.. Молодцы, это у них называется здоровой конкуренцией. По Дарвину.

Михаил молчал и смотрел сузившимися глазами. Азазель слишком серьезен, от его слов веет холодом и опасностью. Он вроде бы не знает, хотя и знает наверняка, что любое сотрудничество с силами Тьмы компрометирует, пятнает, и как ни оправдывая себя, но это шагок в сторону Тьмы.

Азазель сказал с сочувствием:

– Люблю тебя, Мишка. Хороший ты, хотя еще дурной. Мало что понимаешь в этом мире, почаще спрашивай у Макрона. Тот знает, что враг врага может некоторое время быть другом, если есть общие интересы, понял? А потом снова можно разойтись по свои стороны баррикады и бросать камни друг в друга... нет, один в другого... Ладно, уже поздно, топай спать, а утром подрастрясем жирок, что ты вволю и бесцеремонно нагулял за последние десять минут...

Михаил молча отправился в спальню. Едва лег, прилепала мокрыми лапами, как утепок, Обизат, почти неслышно скользнула к нему под одеяло. Михаил не сразу понял, что сегодня успела помимо фильмов о войне посмотреть что-то из порнухи, очень уж старается, но как-то театрально, что и понятно, в порнофильмах никудашные актеры, преувеличенно вздыхают, стонут и гримасничают, но как сказать ей, что она смотрела вовсе не учебные фильмы, чертов Азазель с его шуточками...

– Ты красишь ресницы? – спросил он.

Она на мгновение перестала двигаться, затем возобновила, но уже не так интенсивно, ответила с настороженностью:

– Не-ет...

– Ого, – сказал он, – а такие длиннющие, густые и красиво загнутые!.. Наверное, родители отдали тебе все лучшее. А таких дивных глаз еще не видел...

Она совсем притихла, он продолжал рассматривать ее глаза, она замедленно опустила рядом и чуть прикрылась одеялом.

– Тебе... не нравится?

– Что ты, – возразил он, – у тебя самые красивые глаза на свете!.. Они не только зеленущие, как самые чистые изумруды, но сияют! Никак не налюбуюсь...

Она помолчала в замешательстве, голосок ее дрогнул:

– Ты их уже видел...

– Но насмотреться не могу, – заверил он. – Ты вся чудесная.

– Ой, – сказала она опасливо, – я что-то делаю не так? А почему ты не говоришь?

Он обнял, как опечаленного ребенка, погладил по голове и даже слегка поскреб ногтями спинку, что сразу выгнулась горбиком навстречу его пальцам.

Рано утром Бианакит, демонстрируя пунктуальность, явился минута в минуту перед завтраком, поздоровался со всеми и даже с Сири, сел за обеденный стол, привычно спокойный и невозмутимый, от него пахло надежностью и стабильностью.

– Какие планы?

Азазель сказал с удовольствием:

– Грандиозные и победные! Сперва кровожадно сожрем гуся, Сири и Обизат приготовили по какому-то хорватскому рецепту, разделаемся со вторым блюдом и завершим роскошным десертом!

– А затем? – уточнил Бианакит.

– Вы с Обизат копите силы, – распорядился Азазель, – только не засните, а я тут быстро смотаюсь в одно место на окраине Москвы, кое-что уточню по мелочи.

– Один? – уточнил Бианакит.

– Конечно, – подтвердил Азазель. – Я всегда один. Естественно, захвачу мальчика, нужно натаскивать для будущего спасения мира.

Бианакит взглянул с сочувствием на Михаила, тот нахмурился и сердито засопел.

– Хорошо, – сказал Бианакит. – На кухне еды столько, будто к войне здесь готовятся, винный погреб у тебя огромный, хоть и не совсем погреб, так что как-то скоротаем время, попивая твои коньяки и рассматривая мир на экранах.

Он придвинул к себе тарелку обеими руками, все такой же спокойный, не задающий лишних вопросов, идеальный солдат, дождался, когда Сири переложит ему со сковороды парующего мяса, взялся за нож и вилку, уже освоив сложнейшие приемы, как ими пользоваться.

Обизат, сидя рядом с Михаилом, ела быстро-быстро, как мышь, время от времени поглядывая на своего господина и повелителя с таким обожанием, что ему становилось неловко. Азазель держался приподнято, явно в прекрасном настроении, сам налил всем легкого вина, поглядывал на завтракающих с довольным видом, и только Михаил чувствовал, что на самом деле Азазель не так уж и беспечен, а это «по мелочи» может быть не совсем по мелочи.

Азазель, смакуя сочное мясо, сказал с чувством:

– Жизнь, сколько ее ни кляни, все-таки стоит того, чтобы ее прожить! Хотя глобальные проблемы усложнились настолько, что за их решение не берутся даже подростки.

– Сложный мир, – подтвердил Бианакит, – но как в нем готовят, как готовят!..

– Да, – согласился Азазель, – такой жалко было бы потерять.

– Не потеряем, – заверил Бианакит бодро. – Первый потоп не дал результатов, Творец не станет повторять безуспешную попытку.

Михаил нахмурился, такая вольная трактовка не нравится, сказал язвительно:

– Второй попыткой может быть огненная буря, как предсказано.

– Человек не таракан, – ответил Азазель, – везде выживет!.. Вы ешьте, ешьте, а то такие серьезные. Подумаешь, Апокалипсис!

Дальше завтракали в молчании, даже с десертом разделились почти в тишине, если не считать звяканье ножей и вилок.

Бианакит первым доел торт, запил крепким кофе и поднялся из-за стола.

– Пойду взгляну, – сказал он, – взяли за ночь Эль-Риад или не взяли, как обещают уже с неделю.

Обизат торопливо подхватила с куском торта в руке.

– Думаешь, за ночь смогли? Там две недели бои!

– Обещали, – ответил Бианакит на пути к гостиной. Экран по его жесту включился сразу на нужном канале, Михаил услышал звуки оружейной канонады и глухие удары взрывов, настолько отчетливые, словно бомбят по ту сторону дома. – Обизат, садись, наслаждаемся!

Азазель вытер рот салфеткой, глаза блестят довольством, бодро встал. Михаилу почудилось, что он напевает какой-то древний гимн, то ли скифов, то ли сарматов.

– Готов?

Михаил подхватился, едва не опрокинув тарелку.

– Что брать? Стандарт?

– Ого, – сказал Азазель с удовольствием, – какая чувствительность! Для милитариста нехарактерно. Да, пары пистолетов с запасными обоймами хватит. Ты же с двух рук бьешь воробьев на лету?

– Я не бью воробьев, – возразил Михаил. – Птички не люди, на них вины нет. Это тебя бы прибил с удовольствием. Выступаем?

– Через две минуты, – ответил Азазель деловито. – На той стороне никто не ждет, потому готовься действовать быстро. Мне удалось нащупать группу, что прошла через портал, о котором говорили, понял?

– Который под совместной охраной?

– Да. Потому бей всех, кроме главного.

– А кто там главный?

– Ты же теперь чувствительный, – напомнил Азазель. – Ощути и выруби для допроса.

Михаил задержал дыхание, когда Азазель ухватил его за плечо. Пространство сжало его тело, словно противоперегрузочный костюм, коротко блеснул свет.

Михаил даже не успел подогнуть колени, как подошвы уперлись в твердое.

– Видишь, – шепнул Азазель, – как работаю!.. А ты будто вселенную на себе прешь!.. И сопишь так противно... А запах, запах...

Михаил торопливо огляделся. Местность как будто с картины передвижников: синее небо, чистая луговая трава, небольшая речушка с ивами вдоль берега, березняк невдалеке, мощная дубрава на той стороне, а слева добротные коттеджи, за ажурными заборами из металлических прутьев.

– Организованная преступность предпочитает города, – сказал Азазель наставительно, – но базы располагает вот в таких местах. Здесь сараи, подвалы и даже как бы бомбоубежища, хотя и не бомбоубежища...

– Знаю, – буркнул Михаил.

– Откуда? – спросил Азазель, внимательно посмотрел на Михаила. – А-а-а, Макрон?.. Вообще-то почаще обращай к его памяти. Он в таких вопросах мамонта съел... Все, двинулись!

Глава 4

Задержанный вел себя предельно нагло. Грозил адвокатом, обещал затаскать по судам, после чего их обоих выгонят с треском и пошлют мыть туалеты.

Михаил смотрел с ненавистью, парень совсем молод, откуда столько спеси, наглости и самомнения, чувствуется сынок богатых родителей, одет в дорогой костюм, галстук выпускника престижного вуза, уверен, что любое нарушение сойдет с рук, папа отмажет, спасет, выручит.

Он чувствовал, как нарастает злость, дыхание пошло чаще, лицо дернулось, начали свирепо раздуваться ноздри, элементарь просыпается, что ли, а вот Азазель непонятно чему веселится, рот до ушей, доволен по самое не могу.

Михаил потянулся к пистолету, Азазель бросил в его сторону полный недоумения взгляд и сказал очень серьезно и успокаивающим голосом:

– Хорошо-хорошо, не волнуйтесь так, господин Кацапенко. Мы просто-напросто задали ряд вопросов. Вы свободны!.. Извините за беспокойство.

Кацапенко поднялся, поправил галстук и пообещал зловецким голосом:

– Извинениями не отделаетесь!.. Вас вышибут с треском!.. Пойдете тротуары чистить!

– Может и такое случиться, – ответил Азазель мирно. – Все в нашей жизни бывает. Только на кого жаловаться будете? Мы не представляем официальную структуру. Нас вообще здесь не было. И с вами не общались. Мы, как бы вам сказать попонятнее, ихтамнеты.

Кацапенко выпрямился, картинное негодование на лице сменилось непониманием.

– Что?

– Мы не полиция, – сообщил Азазель, – не милиция и даже не национальная гвардия. Слыхали о ЧВК?.. Да, мы они самые. Нас как бы не существует. Потому начинать и вообще смешные законные процедуры не советую. Я не угрожаю, просто не советую по доброте своего ангельского характера. Вы просто исчезнете. Даже записи о вашем существовании сотрут.

Кацапенко отступил к двери, лицо начало медленно бледнеть.

– Но ЧВК... только за рубежом...

– Правда? – спросил Азазель любезным тоном. – За рубежом нас тоже как бы не существует. Здесь нету, а там тем более. Но здесь, уточняя, не существуем еще больше, так что и вы теоретически уже не существуете... Так что идите и не грешите.

Кацапенко торопливо распахнул дверь и торопливо выскользнул наружу. Михаил смотрел непонимающе.

– ЧВК?

– Разве не так? – ответил Азазель вопросом на вопрос. – Мы ихтамнеты Всевышнего. Работаем вообще-то над тем, чтобы его план не рушили всякие там... ну, ты понял. Нам не важно, демоны, ангелы или еще кто. Мы на стороне Творца, хотя он об этом и не знает!

– Господь обо всем знает, – сурово сказал Михаил.

Азазель ухмыльнулся.

– Да это я для красоты стиля. Дескать, непонятые и неизвестные герои невидимого фронта. Никто нас не хвалит и орденов не дает, но мы все равно спасаем неблагодарный мир!.. А как тебе этот гад, понравился?

– Нет, – отрезал Михаил. – Не понравился.

– Я рад, – сказал Азазель, он без всякого перехода превратился в серьезного и почти строгого, – рад, что вот так сразу наглядный пример.

– Почему мы не полиция?

– Точно, – согласился Азазель. – И даже не сотрудничаем. Хотя, конечно, сотрудничаем, когда подбрасываем какие-то улики или наводку анонимным звонком... Но зато у нас свобода карать мерзавцев.

Михаил сказал с сомнением:

– Но не слишком мы круто? Как я понимаю, этот гад молод... Мог бы поумнеть с возрастом, жениться, стать полезным членом их общества...

– Это и наше общество, – напомнил Азазель. – Людству остро недостает ученых, программистов, медиков, инженеров, а количество этой плесени растет!.. Не думаешь, что те школьники, которые пошли бы в науку, сейчас вместо занятий по химии вынуждены учиться самообороне, чтобы защищаться от мелких мерзавцев, которых в суде защищает этот гад? А потом, уже будучи студентами, больше думают о том, как защитить себя и свою девушку от всякой дряни в темных подворотнях, да и на улицах тоже, а не о повышении квалификации?

Михаил сказал в сомнении:

– Думаешь, если разом убрать с улиц всех-всех хулиганов... ботаники, что двигают науку, будут больше заниматься учебой?

– Я бы рискнул, – ответил Азазель. – Но разом даже у нас не получится, увы. Хотя, конечно, мы с тобой как бы гуманисты. В душе. Войнствующие гуманисты!

– Это не наше дело, – отрезал Михаил. – У нас задачи поважнее!.. А эту мразь пусть вычищают с улиц те...

Он запнулся, Азазель закончил с ехидцей:

– Кто помельче?.. Ладно, ты прав. Генералы не бегают за мелкими пакостниками. Но когда попадают по дороге, будем смахивать в кювет. Что, кстати, уже и делаем.

Михаил поинтересовался:

– Надеюсь, с этой операцией закончили?

– Надейся, – согласился Азазель.

Михаил понял это загадочно-зловещее «надейся», когда через полчаса уже сидел связанный по рукам и ногам в одной из комнат добротного коттеджа из красного кирпича, выстроенного под старину, даже с колоннами и барельефом на фасадной стене.

Мужчина в белой майке, красиво обрисовывающей могучую грудь и широкие плечи, типичный бодибилдер, некоторое время рассматривал его в упор, затем кивком указал на столешницу, где в красивом беспорядке разложены отобранные у Михаила пистолет, нож и пустой бумажник, а его содержимое тоже, включая кредитные карточки, на столе.

– Пистолет у тебя не простой, – сказал он задумчиво. – Умело так переделан под усиленные патроны. Ювелирно! Полагаю, в обойме именно такие... Так кто ты?

– Турист, – ответил Михаил, – разве не видно?

– Турист или охотник за головами? – спросил бодибилдер с интересом. – Ни значка, ни удостоверения... За кем охотитесь?..

– Охота, – ответил Михаил, – благородное занятие. А здесь простая уборка мусора.

Бодибилдер поморщился.

– Грубо.

– У вас такая организация, – напомнил Михаил. – Ваши переступили красные линии. Потому вот и...

Бодибилдер с минуту рассматривал его внимательно.

– Переступили, говоришь?.. Хорошо, посиди, подумай. Вернусь через минуту. Если к тому времени не надумаешь рассказать все, кто ты и зачем здесь, сам понимаешь... все равно узнаем. Только от тебя останутся куски мяса. И не самые крупные.

Михаил проводил его взглядом, а когда дверь захлопнулась, быстро перевел взгляд на поверхность стола. Нож задвигался, пополз к краю, соскользнул, однако на пол все же не шлеп-

нул, по дуге скользнул к Михаилу, где в два быстрых движения перехватил туго натянутые веревки.

Пистолет перелетел со столешницы рукояткой точно в ладонь уже намного увереннее, Михаил завел руки за спину и остался сидеть в той же позе.

Прошла не минута, а почти четверть часа, что тоже понятно, ему давали время помучиться в неизвестности. Он в самом деле устал ждать, наконец дверь распахнулась.

Вошли трое мужчин, среди которых бодибилдер не показался самым могучим.

Они были уже на середине комнаты, когда бодибилдер ахнул:

– Вережки!.. Кто разрезал?

Его соратники остановились, руки обоих устремились к кобурам.

– Да есть среди вас двое наших, – ответил Михаил и вынул из-за спины руку, – но ты этого не узнаешь и уже никому не скажешь.

Прогремели три выстрела, двое дернулись, роняя пистолеты, бодибилдер, выказав смекалку, метнулся к распахнутой двери. Михаил выстрелил вдогонку, услышал крик боли, но, судя по топоту, бодибилдер унесся со скоростью спринтера.

Михаил метнулся к окну, рама вылетела от удара плечом, затем мягкий удар о землю, пережат через голову, и после стремительного рывка к ограде с силой оттолкнулся от земли, в прыжке задел брюками острые концы металлической ограды.

Из-за кустов донесся легкий свист. Михаил вломился туда, как лось по весне, Азазель поднялся в двух шагах, нарядный, блистающий голливудской улыбкой и раскованными манерами.

– Чего ломишься, как бизон на водопой?.. Как прошло?

– Отстрелил ухо, – сообщил Михаил, тяжело дыша. – Пуля хорошо так скользнула по черепу! И кожу сорвала, как ты говоришь, изящно.

Азазель кивнул.

– Молодец, Мишка.

– Спасибо, что не вдарил.

– Пожалуйста. Теперь сообщит своим, что у них двое наших под прикрытием. Пусть подозревают друг друга, это им свяжет руки надолго... Пойдем, вон там я подогнал автомобиль.

– Все-то учишься, – ответил Михаил. – Думаешь, перессорятся?

– Лишь бы не поубивали друг друга, – ответил Азазель. – Нам нужны сведения, а не трупы. Хотя трупы тоже неплохо, но потом. Мы проводим чистку общества строго выборочно, никаких всемирных потопов и катаклизмов.

Михаил сказал строго:

– Не смей усомниться!

– Милитарист, – ответил Азазель с удовольствием.

За деревьями смирно ждет новенький внедорожник, на таких бабы любят ездить в центр Москвы за покупками, но здесь мощный автомобиль с большими колесами в самом деле к месту.

Азазель сел за руль, Михаил расположился рядом, через несколько минут выкатили на проселочную дорогу, что повела к шоссе.

– Будет буча, – сказал Азазель, – что-то да выловим. Рад за тебя, Мишка. Визу, общение со мной хорошо сказывается на твоей выживаемости. А стихи писать потом научу.

Михаил взглянул исподлобья.

– Сам сперва научись. Хочешь сказать, становлюсь таким же хитрым и подлым?

– В твоих солдатских действиях, – пояснил Азазель с похвалой, – появляется артистизм! Коварство – это одна из вершин и заслуг человеческого гения! Животные и честные люди,

что вообще-то дураки, не могут хитрить и коварничать, но что, как не коварство, построило цивилизацию?.. Ладно-ладно, закрой рот, а то ворона влетит, пойдем дальше.

Некоторое время Михаил молча обдумывал, спросил озадаченно:

– У тебя ж не кабриолет!.. Как ворона влетит? Что ты все брешешь! Нехорошо.

– Я человек искусства, – напомнил Азазель. – Нам без брехни жизнь не жизнь!.. Брехня украшает и раскрашивает ее, иначе та стала бы совсем жуткой и несносной, как у офисного планктона, который все равно уверен, что счастлив. Я же тебя украшаю?

– Иди в жопу, – ответил Михаил.

Азазель безгласно поджал губы.

– Фи, как некрасиво... Ты вправду архангел?..

У Азазеля все, как он заверил, просчитано, Михаил едва успевал бежать за ним, автомобиль послушно распахивал дверки, оба вскакивали, авто нес их вдоль нити, как объяснил эту спешку Азазель, там задавали вопросы и мчались дальше.

В этот раз ворвавшись в неприметный домик на краю деревни у самой кромки леса. Азазель едва уточнил имена хозяев, как старший из мужчин, огромный и толстый, как разросшееся на воле без помех дерево, спросил резко:

– Вы полиция? Где ордер...

Азазель сказал зло:

– Мы не полиция. И нам вы не нужны как арестованные...

Он не договорил, хозяин и его сын, судя по сходству, бросились раньше, чем он договорил. Хозяин, чуть менее проворный, чем его могучий сын, малость запоздал с прыжком, потому прожил чуть дольше. Сын от удара в грудь отлетел с переломленными костями к дальней стене, упал, начал подниматься на дрожащих руках, и не смог, а изо рта кровь хлынула широкой струей.

Хозяин попал под руку Михаила, что уже ошалел от беготни и не слишком сдерживался, того перевернуло в воздухе и с такой силой ударило о стену, что с потолка посыпалась штукатурка.

Со стороны кухни выбежал еще один, попал под мощную оплеуху Азазеля, кровь плеснула изо рта тремя фонтанами, вынося и выбитые зубы.

Он рухнул на пол, надсадно кашляя, хрипя и постанывая, а в двух шагах пытался подняться на трясущихся руках хозяин дома, не понимая еще, почему сломанные кости грудной клетки впились в плоть, а разорванное сердце торопливо качает кровь, не понимая, что та льется мимо.

Михаил смотрел с безгласной яростью, а хозяин снова рухнул лицом вниз и сказал стоически:

– Вы... кто... так нельзя...

– Можно, – сказал ласково Азазель. – Что, не понравилось?.. А как же вы пытались вот так радовать тех, кого выбирали в жертвы?

Михаил сказал сухо:

– Слишком много чести считать их жертвами. Просто мусор, который приходится убирать.

Он со злостью ударил ногой, хозяин завалился на спину и захрипел, закатывая глаза. Его старший сын лежал под стеной неподвижно, тело уже начало расплываться подобно студню, пошел густой пар.

Михаил поморщился и отшатнулся от гадостного запаха, но пар быстро и как-то форсированно рассеялся. Воздух колыхнулся, словно под ударом ветра, запах тоже исчез.

Азазель пальцем подманил второго сына, что уже сумел подняться после оплеухи на ноги.

– Ну-ка, малец, иди сюда...

Тот безропотно приблизился, Азазель ухватил его за шею, сдавил. Глаза демона закрылись, он упал рядом с отцом, тело которого уже начало распадаться на куски.

– Ну вот и все, – сказал Азазель. – А знаешь... мне нравится, что в тебе Кезим просыпается. И даже берет верх.

Михаил возразил:

– Он никогда не берет верх!

– Ну и ладно, – согласился Азазель. – Достаточно, что кезимность проглядывает. Заметненько проглядывает. А то как рыба с холодной кровью из Марианской впадины. Зато сейчас такой разносторонний... стихи писать не пробовал? А рисовать?... Что, даже в рэпе не хошь попробовать?... Ладно-ладно, какой из тебя рэпист. Да и художник наверняка такой же... мускулистый.

Михаил перебил:

– Вроде бы все, как ты сказал?

– Все, – согласился Азазель. – Еще пару минут, и возвращаемся.

Он прошелся по комнате, иногда брал со стола бумажки, разглядывал, но больше интересовался содержимым файлов в двух ноутах, из одного даже скопировал на флешку две объемные папки, пробормотал презрительно, что и не такую защиту ломал, как яичную скорлупу.

– По их виду не скажешь, – заметил Михаил, – что шарят в компах.

– Это охрана, – пояснил Азазель. – Хозяин бывает реже, когда сходка или кто-то новый...

Все, уходим!

– Куда на этот раз?

– Домой, – ответил Азазель бодро. – Обед – святое дело!

Глава 5

Едва переступили порог в квартиру, Михаил ощутил мощные запахи кофе и слегка подгорелого хлеба. Бианакит научился пользоваться тостером, это напоминает ему родные места с ручьями и даже реками расплавленной магмы, ароматами огня и дыма, а Обизат, как настоящая женщина, всегда принимает то, что предпочитают мужчины.

– Молодцы, – сказал Азазель бодро. – Кофе должен быть горяч, как пекло, черен, как душа Сатана...

Бианакит вышел из гостиной, довольный, с пустой чашкой в руке.

– Договаривай, – сказал он.

– Ни за что, – ответил Азазель с достоинством.

Обизат из-за спины Бианакита пискнула:

– А что дальше?

– Ерунда, – ответил Бианакит. – Что-то про чистоту ангела и сладость любви... Обед готов, но мы с Обизат уже успели. Если не нужны пока, прогуляемся до тира на соседней улице. Покажу Обизат, как стрелять в цель.

– Хорошее дело, – одобрил Азазель. – А то держит пистолет в руках правильно, но как насчет меткости...

Бианакит согласился:

– В Сатана бы попала с двух шагов, а вот с десяти... не уверен. Хорошо, тир там настоящий, можно пострелять даже из армейских винтовок.

– Только ненадолго! – уточнил Азазель. – Мобильник захвати.

– Уже при себе, – ответил Бианакит. – Почти привык.

Едва за ними закрылась дверь, лицо Азазеля стало строгим, он сказал негромко:

– Я открыл для Сатана портал. Постарайся не задираться.

Михаил охнул.

– Зачем?

Азазель прошел на кухню, Михаилу показался безмерно усталым, даже плечи повисли, пробормотал в тяжелой задумчивости:

– Да появилась одна сумасшедшая идея... Наверняка гениальная, если даже с виду дикая. У меня, правда, бывают и простые, но гениальных больше.

– Да что за идея?

– Потерпи, мне интересна твоя реакция младенца.

Он рухнул на стул, с тем же усталым видом откинулся на спинку. Кухня замигала крохотными огоньками по всей длине, по дисплеям побежали длинные цифры с обозначением температуры, влажности и прочих не самых важных для голодных мужчин значений.

Сири спросила из-под потолка:

– Сагиб, заказанное вашими гостями отменить?

– Зачем? – спросил Азазель. – Пусть запоминают, что и так можно...

– Но у них меню... это же несъедобно!

– А вот пусть едят, – ответил Азазель злорадно. – Лучше усвоят оттенки национальной кухни.

Михаил сел напротив, чувствуя, как сердце дрогнуло в нехорошем предчувствии.

– Только не говори, – сказал он в тревоге, – что думаешь как-то использовать и Сатана в своих диких схемах!

Азазель посмотрел на него свысока, как верблюд на кролика.

– А почему нет?... Сири, не спи! У нас будет гость.

Обиженный голос предупредил:

– Сагиб, вы не предупредили. Готовлю в ускоренном режиме.

Михаил посмотрел вверх, откуда раздался милый голосок, потом перевел взгляд на нехорошо улыбающегося Азазеля.

– Не играй с огнем, – предупредил он. – Если ждешь Князя Лжи и Обмана, то еще кто кого поиспользует!

– Да, – согласился Азазель, – Сатан очень умен и горяч, что и привело к опасной гордыне. Но я не собираюсь его обманывать.

Михаил отшатнулся, отшатнулся на спинку кресла.

– А что?.. Драться?

Азазель посмотрел на него с жалостью.

– Как же ты отстал! Мир движется к интеграции, глобализируется, сотрудничает даже с преступными режимами, рассчитывая их либерализовать и одемократить по самые, а ты все еще в детской песочнице? Как можно мне в таком костюме от Артемия Лебедева драться?.. А вдруг галстук порвет?

– Какой галстук? – спросил Михаил. – Ты хоть знаешь, что такое галстук?

– Учись понимать иносказания, – сказал Азазель высокомерно, – у меня каждое слово несет семь смыслов, как в Коране. Ах да, ты и о Коране не слыхал, невежда. Сейчас все говорят про Коран, как будто читали... Это модная тема.

Дверка духовки распахнулась со смачным щелчком, на Михаила пахнуло жаром ароматных запахов мяса, рыбы и жгучих специй.

Азазель с довольным видом потер ладони одна о другую.

– Почему я все еще люблю поесть?.. Ведь каждый день одно и то же!.. И все еще не надоело. Удивительно. Просто удивительно. Есть в этом какая-то хитрая задумка Творца?

– У Господа нет хитростей, – отрезал Михаил.

– Но ведь создал же тебя... таким?

Сири подъехала на платформе, принялась вытаскивать из духовки жаркое и перекладывать на стол, где Азазель с азартом резал на большие куски и перекладывал на две тарелки.

– Не богохульствуй, – сказал Михаил сурово. – Просто жри и не ропщи.

– Я не ропщу, – уточнил Азазель, – я ликую! Творец создал замечательный мир, почему ты против?

– Я не против! – возразил Михаил.

– Да? – спросил Азазель с сомнением. – А то мне показалось... Ладно, мой руки и возвращайся за стол.

– Зачем их мыть, – спросил Михаил. – У архангелов всегда чистые.

– А-а-а, когда тебе выгодно, сразу архангел? Хорошо быть дикой деревенщиной из Брия... Хотя я всяких дикарей видел, даже с четырьмя парами крыльев. Вот уж уроды так уроды...

Он с наслаждением всадил вилку в большой ломоть мяса, ловко отчекрыжил кусок и тут же отправил в рот.

Некоторое время ели молча, наслаждаясь приятным чувством, когда с каждым отправленным в желудок ломтем возвращается в тело бодрость, а усталость выветривается, словно вода из мокрой тряпки на солнце.

Разделавшись с мясом, Азазель потянулся к блинчикам, проговорил сытым голосом:

– И как тебе это все? Я имею в виду мир, люди, человеки... Точку зрения Макрона знаю, а ты?

Михаил пожал плечами:

– Не всматриваюсь. Я Михаил, а не Азазель. Меня интересует мир, а не люди. Конечно, вижу женскую распушенность, называемую здесь свободой, но если сейчас так принято, то это их дело.

Азазель покровительственно улыбнулся.

– Михаил, теперь умных людей куда больше, чем благородных. А умные решили дать женщинам все свободы, чтобы самим жилось легче.

– Даже замужние, – заметил Михаил, – ведут себя непристойно...

– Современный брак, – пояснил Азазель, – как ртуть. Можно удержать только на открытой ладони. А в старое доброе время держали в крепко сжатом кулаке... Мне кажется, сейчас все же справедливее. А тебе?

– Господь, – ответил Михаил, – создал мужчину и женщину равными. Кто думает иначе, тот на стороне Сатана.

– Хотя и Сатан так не думает, – обронил Азазель, – но с другой стороны, ты прав. На противника нужно валить все и обвинять во всем, даже в своей дурости и собственных ошибках. А еще ты прав, что удивительно, нам в самом деле пофигу какие-то человеки. Сейчас, впервые в истории, весь род человеческий в опасности, а мы, как лучшее в мире ЧВК, защищаем его своей, за неимением чужой, грудью!

Михаил дернулся.

– Да что ты снова про какое-то ЧВК!.. Мы к нему какое отношение?

Азазель проговорил с той ленцой в голосе, что лучше всего подчеркивает его превосходство:

– Макрон сам служил в ЧВК, забыл?.. Даже руководил одной из самых успешных команд. А мы с тобой как раз и есть частная военизированная команда, которой как бы нет, но задания выполняем важные и щекотливые. Ни ангелам, ни архангелам такое поручить нельзя, это засвет, а действовать нужно инкогнито по целому ряду причин... и вот мы взяли на себя... Тебе кофе или чаю?

Михаил раздраженно дернулся.

– Какой чай, какой чай? У тебя его отродясь не было!

– Значит, – решил Азазель, – после долгих раздумий выбрал кофе. Похвально. У нас у всех примерно такая же свобода выбора.

Михаил сказал раздраженно:

– Что ты мелешь?.. ЧВК хоть и не существует официально, однако от кого-то же получают жалованье, инструкции, приказы?

Азазель ответил с той же снисходительной жалостью в голосе:

– Солдат... привык тупо исполнять приказы?.. А вот Сатан когда-то отказался. Хотя нет, приказов не было, мы были предоставлены себе, так как чисты, исполнены, благородны и милосердны... Предполагалось, такими и останемся. Или Творец знал?.. В общем, все мы считаем себя правыми. Как и Сатан. Только взгляды наши расходятся... В итоге, сейчас у нас самая секретная и законспирированная команда, находимся на самообеспечении. Сами находим финансирование, сами выискиваем цель... и работаем во славу Творца и за его интересы!

Михаил, что ежился и даже дергался, пока Азазель кошунствовал, пробормотал:

– Уверен, что и мы не сбились с пути?

– Только невежды уверены всегда и во всем, – напомнил Азазель. – Я вот всегда сомневаюсь. Но продолжаю идти, потому что всегда прав!

В гостиной резко потемнело, тут же вспыхнул свет, яркий, но неприятно тревожный, а в центре комнаты появилась щель фиолетового цвета.

Михаил вздрогнул, торопливо поднялся.

– Хорошо, – сказал Азазель негромко, – что поели. С Сатаном говорить на голодный желудок тяжело.

– Он?

– Да.

Михаил с замершим сердцем смотрел, как Азазель быстро прошел в гостиную, там протянул руку в направлении к щели, медленно и торжественно произнес пару слов на том древнем языке строителей Вавилонской башни, когда те только-только закладывали в ее основание первые камни.

Щель расширилась, пахнуло огнем и серой. Михаил увидел на миг страшную тьму, в которой ни звезд, ни тени света. Пахнуло мертвым холодом, но с той стороны шагнул Сатан, величественный и надменный, взглянул на Азазеля, тут же перевел взгляд на застывшего Михаила.

– Снова с помощничком? – спросил он тяжелым раскатистым голосом, подобным грому. – Впрочем, это ненадолго. Говори, о чем хотел говорить? Учти, времени в обрез, так что оставь твои повадки ходить вокруг да около.

Азазель сказал с подчеркнутым дружелюбием:

– Садись в любое кресло, чувствуй себя как дома, только без твоих штучек насчет купания в лаве. Вино, коньяк, виски?..

Сатан бросил хмуро:

– Я же сказал, времени в обрез. Нет, вина не нужно.

– Коньяк?

Сатан в нетерпении сделал отметающий жест.

– Ничего. Говори, что задумал?

Он сел на диван, руки закинул на широкую спинку, вид хозяйский, словно к Азазелю явился не только властелин Ада, но и земного мира.

– Сразу быка за рога? – спросил Азазель и посмотрел на лоб Сатана, словно увидел там длинные рога, удобные для хватания. – Или как?

– Сразу, – потребовал Сатан. – Только зачем тут твой слуга? Я не терплю лишних ушей. Да и глаз тоже.

– Ему не мешало бы послушать, – сказал Азазель. – Я готовлю его в настоящие помощники.

Сатан поморщился.

– Пусть присутствует, но тогда я его убью сразу, как только закончим разговор.

Азазель, не меняя выражения лица, повернул голову к застывшему в молчании Михаилу.

– Топай на кухню. Только не побей там посуду и не засни. Сири, пообщавшись с Обизат, в великой растерянности, а еще и Бианакит заказал что-то из любимой еды своего клана... Лопаем только местную пищу! Разберись и накажи всех, но чтоб обед не пригорел!

Глава 6

Михаил поклонился подчеркнуто почтительно и вышел со склоненной головой, как образцовый слуга в провинциальном театре. Хотя Сатан, что живет в феодально-крепостническом мире, вряд ли заметил издевку.

На кухне он не стал вступать в диалог с Сири, чтобы не пропустить ни слова из разговора Азазеля и Сатана, сделал вид, что перебирает тарелки и протирает их чистым полотенцем, стараясь не звякать, поглядывал одним глазком, как там оба ведут себя.

Азазель после ухода Михаила повернулся к Сатану с недоброй усмешкой на все лицо.

– Сразу так сразу. Итак, вначале у свергнутых в ад была военная демократия, помнишь? Вас было мало, и за всеми легко уследить. Потом ты стал фактически диктатором.

– Властелином, – уточнил Сатан. – Это несколько больше, чем урезанные в правах здешние диктаторы.

Азазель улыбнулся, уже раскованный и легкий в общении, несмотря на привычную настороженность.

– Да, – подтвердил он, – это больше, что льстит твоему самолюбию настолько, что ты сразу примирился с новым... образом жизни. Однако сейчас Ад разросся очень даже как бы да. Даже ты не знаешь, насколько...

– Я все знаю, – прервал Сатан. – К чему клонишь? Говори яснее, ненавижу твои дальние подходы!

– При таких условиях, – продолжил Азазель невозмутимо, – наступает период феодальной раздробленности. Местные князья становятся центром силы в своих провинциях...

Сатан сказал с нетерпением:

– Знаю. И что?

Михаил поморщился, это все знают, Азазель как будто нарочито старается вывести Сатана из равновесия.

– И вот, – продолжил Азазель с самым невозмутимым видом, словно и не слышал Сатана, – начинают понимать, что вообще-то зря подчиняются так называемому властелину. Слишком уж он властелинный! Или властелинистый. А у них уже достаточно силы, чтобы отстоять свою свободу и независимость. А то и посягнуть на верховную власть.

Сатан зевнул, сказал хмуро:

– Знаешь, это уже чушь. Чушейшая чушь. Ты или поглупел, или заговариваешься.

– Про Каролингов не слышал? – поинтересовался Азазель. – Майордомы были не только могущественнее короля, но и вообще... Жили в дворцах, а короли в простых домиках и ездили на волах, представляешь?..

Сатан в раздражении поднялся, подошел к окну, но смотрел так, словно любитесь своим отражением, а не красивой панорамой внизу.

– Азазель, – произнес он, не поворачиваясь, – твои рассказы ни к чему. Я сохраняю власть, и все в преисподней под моей рукой. А она у меня тяжелая.

– Да? – переспросил Азазель, – что ты знаешь насчет общества «Бли Ам»?

Сатан повернулся, заложив руки за спину, взглянул холодно и высокомерно.

– В преисподней?

– Да, в твоей преисподней.

– Этих обществ сотни, – отрезал Сатан. – И что?..

– Это достаточно новое, – сообщил Азазель. – А ты о нем ничего не знаешь.

– Уверен?

– Абсолютно, – произнес Азазель с той же надменностью. – Я вот такой, всегда сомневаюсь, как советовал один из наших по имени Карл Маркс, но зато всегда уверенный.

Крупное властное лицо Сатана озарилось первыми предвестниками гнева, пока сдерживаемого, но в глазах вспыхнули багровые огоньки.

– Я, – произнес он с холодным высокомерием, – властелин преисподней... и не знаю? Почему тебе в голову пришло такое... смешное? Никто не смеет взглянуть в мою сторону с недостаточным почтением!

– Хорошо, – сказал Азазель уступчиво, – но то, что скажу, пусть останется между нами. Не стоит вспугивать зверя раньше времени, согласен?.. Хотя нет, все-таки, уж прости, налью коньячку... Не тебе, ты же с некоторых пор сохраняешь трезвый ум, а мне можно, я в некотором виде поэт и натура творческая...

Он повел дланью, в растопыренную ладонь впечаталась холодным боком бутылка, покрытая инеем. Азазель элегантно наполнил два фужера, один взял, сказал извиняющимся тоном:

– Прости, коньяк был изобретен в аду, потому его принято пить теплым, но мне начхать на нормы и правила, я пью так, как изволю, ибо свободный художник и артист, вроде Нерона.

Сатан в нетерпении смотрел, как Азазель картинным жестом поднес фужер к губам, сделал легкий глоток, зажмурился.

– Ну?

Азазель посмаковал, почмокал, прикрывая глаза. Михаилу показалось, что в самом деле наслаждается, а не просто старается зачем-то вывести Сатана из равновесия.

– Кстати, – сказал он, – ты не все проходы в мир людей знаешь. Тем более, не все под твоим контролем. Есть еще один...

Сатан произнес с холодным пренебрежением:

– Не брешь!

Азазель мирно улыбнулся, а сказал совсем ласково и отечески:

– Трудно поверить, что кто-то говорит тебе правду, когда знаешь, что на его месте ты бы точно соврал.

– Где? – спросил Сатан с нажимом.

Азазель покачал головой.

– Зачем мне тебе говорить? Во-первых, он укрыт так, что не видишь даже ты...

Сатан сказал пренебрежительно:

– Даже я, Властелин Ада?

Азазель сказал самым мирным тоном:

– А при каких случаях можно сделать портал, который не видишь ни ты, ни светлые ангелы?

Сатан сказал резко:

– Такое невозможно.

– Да? – переспросил Азазель язвительным голосом. – А если портал будут защищать одновременно посланцы Брия и Ада?

Сатан начал пренебрежительно ухмыляться, но Азазель смотрит серьезно, и улыбка его померкла, затем на лице проступили раздражение, недоверие, и наконец-то Азазель увидел то, что ожидал, – подозрение.

– Что? – произнес Сатан злым голосом. – Как такое возможно?

– А вот так, – ответил Азазель почти с удовольствием. – Совместная операция Брия и Ада. Правда, не всего Брия, и не всего Ада, как понимаешь, но с той и другой стороны сил достаточно, чтобы уже скоро захватить Землю и устроить на ней тот Ад, в котором тебе точно не будет места.

Сатан, насупившись, продолжал сверлить его пронзительным взглядом.

– Откуда мне знать, что не врешь... как обычно? И что произошло такое, что... вообще немыслимо?

– Посмотри на меня, – предложил Азазель, – ты же не дурак, Сатан, хоть и дурак. Но дурак ты из-за своей горячности и гордыни, но голова у тебя на плечах лучше, чем у любого в преисподней. Посмотри и увидь, что я не вру.

– Допустим, – сказал Сатан в раздражении, – и что ты знаешь такое об этом обществе, что могло бы заинтересовать даже Властелина Ада?

Азазель ехидно улыбнулся.

– Ну да, даже властелина, хорошо сказано... Гордыня твоя стала еще гордынее? А что, если в это общество, неизвестное тебе, что неудивительно, входят двое князей Ада, о чем ты ни ухом, ни... гм, ликом, и два ангела высшего разряда?

Сатан дернулся, некоторое время смотрел на Азазеля злыми прищуренными глазами, но молчал, будто не находил слов, а те, что подворачиваются сами, кажутся слишком пресными.

Михаил задержал дыхание, в комнате слегка померк свет, ощущение такое, словно через комнату пронеслась стая черных мышей размером с ротвейлеров.

Сатан продолжал сверлить Азазеля неприятным взглядом, а голос его прозвучал с откровенной враждебностью:

– Раньше ты острил интереснее.

– А ты отличал остроты, – отпарировал Азазель, – от ценнейших данных разведки, добытых просто невероятными ухищрениями.

Сатан проговорил так же холодно и с нажимом:

– Доказать можешь?

– Могу, – ответил Азазель, – но не стану.

Сатан уже раздулся для гневного ответа, но задержал дыхание, в глазах промелькнуло нечто вроде сомнения, медленно выдохнул воздух и взглянул почти с ненавистью.

– Тогда как...

– А никак, – ответил Азазель ровным голосом. – Никто не делится ценнейшей информацией просто так. Ты вот скажи мне сейчас, что ничего не ощутил раньше сам? И сейчас не ощущаешь, и я радостно похохочу насчет того, что ты совсем теряешь форму... Ну-ну? В Багдаде все спокойно?

Михаил всматривался в Сатана и наконец-то начал замечать, что от непоколебимой уверенности Властелина Ада словно бы откалываются чешуйки, открывая уязвимые места.

И хотя Сатан держится ровно и говорит полным мощи голосом, но что-то подсказывает, что на самом деле не совсем уверен в абсолютном контроле над преисподней.

Наконец он проговорил с надменностью в голосе:

– Чушь! В Аду теперь постоянно какие-то подвижки, интриги, перевербовка... у твоих человечиков набрались! Зря ты их опекал.

– Но ты быстро понимал, – сказал Азазель, – что к чему. Так ведь? Но в последнее время чувствуешь что-то такое, что ускользает, ускользает... Вроде бы и есть, но как бы и нет... Раздражает, верно? Ты властелин, но как будто что-то делается за твоей спиной. Хотя в Аду тебе подвластно все, и ты должен бы все видеть и знать... но чего-то не видишь. Что-то мешает.

Злость на лице Сатана перешла в ярость, он часто задышал, белки глаз налились кровью, а изо рта начали вырываться языки оранжевого пламени.

По стенам комнаты побежала мелкая рябь, Михаил с трепетом понял, что толстые бетонные плиты изгибаются, словно туго натянутая парусина под напором ветерка.

Сатан рыкнул:

– Ты и в моем Аду мутишь?

– Нет, – ответил Азазель серьезно.

– Тогда что?

Азазель ответил мирно:

– Мои от тебя не укрылись бы, сам знаешь. Но ты чувствуешь нечто скрытое. Скажи, что не почувствовал, и я возрадуюсь, что ты потерял нюх и силу.

– Сволочь...

– Подумай, – сказал Азазель серьезно, – в каком единственном случае это могло бы случиться.

Сатана резко протянул ладонь к столу, фужер с коньяком моментально оказался в ней, ухитрившись не расплескать ни капли.

Азазель ждал, а Сатан осушил содержимое фужера в один длинный глоток и выпустил длинную стеклянную ножку из рук. Фужер оказался на столешнице едва ли не раньше, чем исчез из ладони.

– Это немыслимо, – проговорил Сатан с ненавистью. – Ты снова мутишь воду?.. Это ни в какие ворота... У нас нет большего врага, чем те, кто тогда нанес нам поражение и сверг в Ад. И никто из наших никогда...

Азазель вскинул ладонь.

– Погоди-погоди. Возможно, ты так же непримирим, а то и еще больше ошетинился. Вообще-то понимаю тебя, сам такой.

– Ну-ну, – сказал Сатан в нетерпении.

– Но не все такие замечательные, – закончил Азазель. – Ты боец, но не все в твоей команде остались... как бы тебе помягче...

– Не надо помягче, – прервал Сатан.

– Ты хоть помнишь, – спросил Азазель, – сколько веков, мягчайше говоря, прошло? А прошли-промчались даже не века... Да, для нас не прошли, а провжикнули, но для кого-то это достаточный срок, чтобы... говоришь, не надо помягче?.. срок, чтобы измениться, пересмотреть взгляды, просто разувериться в победе... И когда им пообещали шанс, если сделают еще один крохотный шагок...

Сатан дернулся, Михаил видел, как гнев и гордыня распирают всю его суть, но сделал выдох и спросил все еще злым голосом:

– Имена?

Азазель улыбнулся с подчеркнутым превосходством, чтобы Сатан заметил наверняка.

– Вот так просто? Не получив ничего взамен?.. Это ты так шутишь?

Сатан сказал резко:

– Это у тебя везде шуточки! Говори сейчас же!

– Шас, – ответил Азазель нагло. – А что еще? Спинку почесать?.. Не дури. Могу сказать лишь со всей определенностью и ответственностью, что некто из высших Князей Ада вступил в преступный сговор с нашими извечными противниками. Да-да, теми самими.

– Врешь, – отрезал Сатан. – Никто... да еще чтобы Князь Ада? Не с противниками, а с врагами?

– Даже врагами, – согласился Азазель. – Что, не ндравится?

Он взглянул на фужеры, бутылка с коньяком не сдвинулась с места, но уровень быстро пошел вниз, а в фужерах так же быстро поднялся от дна и заполнил оба по золотые полоски.

Сатан поморщился, протянул было руку, но отвернулся и с размаха хлопнул себя по колену.

– Бред!.. Мы ненавидим тех надменных чистеньких сволочей, что засели на небесах... ненавидим настолько люто и безумно, что никто из нас... никогда!..

Азазель произнес тихо, с сочувствием:

– Да, ты прав. Но если куш просто безумно огромен?

– Нет, – отрезал Сатан. – Нет настолько огромного!

– Да? – спросил Азазель. – А если даст победу над небом?

Сатан запнулся на полуслове, лицо из гневно-багрового стало бледным от ярости, с минуту сверлил Азазеля испепеляющим взглядом.

– Как? – прохрипел он лязгающим голосом.

– Изменить баланс, – ответил Азазель. – Баланс сил. Соотношение. Небо всегда было заведомо сильнее. Так было, и так... должно было оставаться вечно.

Сатан взглянул исподлобья.

– Продолжай.

– Так длилось тысячи лет, – сказал Азазель. – Небо оставалось прежним, да и зачем ему меняться, там победители! Однако Ад развивался. Не так быстро, как люди, но все же... К тому же, ты знаешь, побежденные вообще развиваются быстрее, у них тлеет, даже разгорается огонь реванша. А то и, говоря красиво, как мне свойственно, полыхает и вызывает! И с каждым поколением вызывает все ярче, потому что обида кажется громаднее, а прошлые деяния, даже ошибочные, овеяны романтикой и героизмом...

– Короче, – прервал Сатан в нетерпении. – Не растекайся!

– Именно в Аду, – закончил Азазель, – у кого-то родилась смелая до безумия идея воспринимать Небеса не как нечто однородное, но поискать какие-то щели...

– Кто? – потребовал Сатан.

– Некто, – ответил Азазель скромно. – Не спеши. Ад меняется, Сатан, мой старый надежный враг. Молодые амбициозные лидеры иные задачи решают лучше нас.

– Ты об этом слухае?

– И об этом, – согласился Азазель, – и вообще. У нового поколения больше методов.

Сатан покачал головой, не сводя с него взгляда.

– А ты?

– Я вечно молод, – сообщил Азазель горделиво, – красив и наряден.

Сатан поморщился.

– Я вот никого не предавал! Я взбунтовался открыто! А здесь твое новое поколение меня предало, если верить тебе, что я делать не собираюсь!

– Вообще-то подданные твои, – напомнил Азазель с предельной скромностью, даже глазки опустил, – но почему сразу предательство? Может быть, просто искусный маневр? Никто из нас не определит сразу, предательство или военная хитрость!.. Такое, сам знаешь, узнается только после завершения операции.

Сатан взглянул остро.

– А какой маневр задумал ты? В какой момент предашь?

Азазель вскинул в удивлении брови.

– А я и не клялся тебе в верности. Мы идем бок о бок против общего врага, потому что порознь одолеют тебя и меня, но вместе у нас весомый шанс...

Глава 7

Михаил слушал их напряженный торг, стараясь не пропустить ни слова. Азазель говорит убедительно, умеет, и эта дикая идея насчет совместной операции Неба и Ада начала казаться сперва осуществимой, а потом и до жути реальной, пугающей.

Да и не предательство это ни со стороны Брия или Ада, те в целом ничего не знают о заговоре. В нем, как сказал Гамалиэль, только Уриил и Иехозл со стороны Небес, а со стороны Ада Брулефер и Велиал с Агиросионом. Остальные архангелы, а также серафимы, престолы и прочие ангелы, не ведают о предательстве, как и в Аду князья и властелины земель и кланов не знают о вероломстве Брулефера, Агиросиона и Велиала.

Союз двух архангелов и двух или трех Князей Ада, понятно, ситуационный, даже меньше, чем временный. Конечно, из Ада не сумеют сразу ударить по Брию, но попытаются захватить власть над землей и всеми населяющими ее народами, а это и есть полная победа мятежников и военный триумф. Люди всегда были яблоком раздора, Сатан низвергнут за то, что отказался поклониться человеку и признать его властелином вселенной, так что понятно, он враг, но и ангелы Брия человека ненавидят почти все, но не смеют этого выказать. Одни просто приняли повеление Господа, другие делают то, что велено, но не больше...

Голоса Азазеля и Сатана на кухню доносятся то тише, то громче, Михаил напрягал слух, хотя кухня и гостиная составляют одно целое, но он на всякий случай старался держаться в той части кухни, откуда выступ закрывает гостиную.

Однако обострившийся слух ловит каждое слово, а через некоторое время по ту сторону стены начал видеть их обоих, сперва смутные очертания, потом все ярче и резче, и наконец стена стала вроде мутного стекла, за которым видна гостиная.

Видно, как Азазель неспешно налил в фужер коньяк, на этот раз на самое доньшко, и уже смаковал медленно и с чувством, Сатан наблюдал за ним в нетерпеливом раздражении, в какой-то момент дернулся, уже багровый от ярости, но снова с великим усилием сдержал ярость.

– Говоришь, два архангела и два Князя Ада?

– Да.

– Так и не скажешь, кто они?

Азазель широко улыбнулся.

– Сатан, ноша властелина уже не по плечу? Так поговаривают. Многие готовы ухватить твою черную корону Тьмы.

Сатан сказал тяжело, с трудом высеживая слова сквозь стиснутые яростью челюсти:

– Что... ты... хочешь?

Лицо Азазеля стало серьезным.

– Не поверишь, но я предпочел бы... ты не поверишь... чтобы властелином Ада оставался ты.

Сатан продолжал сверлить его ненавидящим взглядом, а в голосе прозвучало откровенное недоверие:

– Почему?

– А ты подумай, – предложил Азазель. – Все просто. Они хотят захватить власть как в Брие, так и в Аду. Нарушить, так сказать, установившееся равновесие. А мир людей и человеков как раз между ними!

– Естественное желание, – буркнул Сатан. – А ты мог бы половить рыбку в мутной воде. Ты на это мастер. А я тебе даже мутить воду не дам, не то чтобы еще и рыбку...

Азазель отмахнулся с видом потомственного аристократа, которому предлагают заработать продажой поштучно рыбы на базаре.

– У меня другие места ловли. В общем, эти ребята от желания перешли к действиям. К активным, как здесь говорят, хотя, по мне, если действия, то уже активные, не так ли?

Сатан раздраженно отмахнулся.

– Не отпрыгивай! Или уже мутишь?

– Главное, – сказал Азазель уже очень серьезным голосом, – планируют очень скоро ввести в мир людей такую армию, что здесь все рухнет, и мир окажется в руках демонов.

Сатан сказал со злорадством:

– А-а, вот что тебя беспокоит!

Азазель ответил так же серьезно:

– Ты прав. Мне без разницы, кто захватит власть в Брие, как и без разницы, уж прости, кто свергнет тебя и сядет на трон властелина. Но не безразлично, что будет здесь у людей.

– Ну да, ты же здесь!

Азазель покачал головой, голос прозвучал очень серьезно, таким Михаил слышал у него всего несколько раз:

– Потому что ради этого мира Всевышний сотворил все, в том числе и ангелов. И если здесь случится что-то необычное, может вмешаться... А как вмешивается, сам знаешь.

Сатан спросил едко:

– Ты все еще веришь, он не забыл про эту игрушку?

– Думаю, – ответил Азазель сухо, – для него мир людей не игрушка. И я бы не стал рисковать, пытаясь ее сломать. Если не забыл о мире человеков, то гнев его может испепелить всех нас, не оставив даже пепла.

– А что думают заговорщики?

Азазель пожал плечами:

– Уверили себя, что этот мир брошен. Им так думать приятнее, вот и убедили себя... А раз так, можно попытаться изменить установленный порядок. Я, кстати, тоже считаю его устаревшим, но так кардинально менять бы не стал. Я, можно сказать, постепенник.

Сатан бросил зло:

– Тем более, когда не ты во главе. Обидно, да?.. А теперь говори, зачем мне такое сказал?.. У тебя всегда просчитано хотя бы на пару ходов.

Азазель вздохнул.

– Обижаешь, я обычно считаю ходов на пять-десять. Как минимум. Так привык, что уже само считается и просчитывается! А еще стараюсь видеть, что у меня за спиной. У меня такой мозг, понимаешь, рабочий! Среди людей можно только с таким. Это в Аду дремлют, а в Брие вообще спят... В общем, сейчас тебе и мне угрожает опасность. Очень серьезная. Ни ты, ни я с нею не справимся. Даже если объединим усилия, все равно у них преимущество в мощи.

Сатан рассматривал его исподлобья с таким видом, словно искал место, куда нанести смертельный удар.

– Тогда как?

– Уступаем в силе, – напомнил Азазель, – но они не знают, что мы знаем... А знание в самом деле сила.

Сатан сказал нетерпеливо:

– Это ты знаешь, но не я.

– Узнаешь, – ответил Азазель. – Извини, но карты буду придерживать как можно дольше. Во избежание.

Сатан:

– А как проверю, что не врешь?

– Я могу представить тебе пару демонов, – сообщил Азазель, – что попали в мир людей через тот самый портал, о котором ничего не знаешь.

Сатан самодовольно улыбнулся.

– Я знаю о каждой тропке.

– Это не тропка, – сообщил Азазель. – Это именно мощный портал. Сейчас тестируется, знаешь такой термин? По нему забрасывают по одному-два лазутчика в разные части света, проверяя, как получается. Когда закончат настройку, сюда хлынет огромная армия. Хочешь поговорить с этими двумя?

Сатан с минуту пристально всматривался в его глаза, Азазель смотрел прямо, наконец лицо Сатана слегка осунулось, он откинулся на спинку кресла и сказал усталым голосом:

– Последний вопрос... как что-то в моей преисподней стало для меня недоступным? Если изначально было все доступно, раз уж Ад формировал я по своим законам?

Азазель помедлил, словно из несвойственной ему деликатности не желал нанести удар жестокой правдой, а когда заговорил, Михаил понял, что ни о какой деликатности речь не идет, Азазель просто подбирает слова, противника нужно бить побольнее:

– Ну да, ты же как бы властелин этого мира... Правда, бывший, хоть и сам еще не подзреваешь. Но князья на местах уже уверены, что да, бывший... Еще не понял, почему не знаешь о таком грандиозном проекте?

– Не танцуй, – велел Сатан с холодком. – Просто скажи.

– Союз, – напомнил Азазель. – Когда портал защищает наша черная мощь антисфирот и святость сфирот, то он становится незрим как для демонов, так и для ангелов.

Сатан хлопнул ладонями по толстым валикам спинки дивана, поднялся, злой и наполненный такой недоброй мощью, что Михаил ощутил тревожное покалывание по всему телу.

– Не могу поверить, – сказал он с яростью. – Как?.. Как ангел мог проникнуть в Ад, когда я поставил против них запретную для них мощь антисфирот? Они не могут к ней даже прикоснуться!

Он прошелся по гостиной, зло отпिनывая с дороги кресла, остановился у панорамного окна, снова впорыв взгляд в город внизу.

– Очень просто, – ответил Азазель. – Невероятно, но можно... при одном допущении.

– Каком? – спросил Сатан, не поворачиваясь.

– Сам уже понял, – ответил Азазель. – Возьми и скажи.

Сатан бросил зло:

– Скажи сам! А я скажу, что это невозможно.

– Скрыл портал куполом архангел, – сказал Азазель, – не рядовой сопливый ангел! А провел его туда и обратно под мантией незримости тоже не простой демон, а Князь Ада.

Сатан круто развернулся, лицо стало багровым, как раскаленный металл, глаза злобно сузились.

– В это можно поверить?

– Нет, – признал Азазель, – но когда-то это должно было случиться. Кто-то из Ада додумался... Вряд ли додумались в Брии, там слишком туповаты и прямолинейны, а вот Ад шаблоны иногда ломает. Учти, кто-то сумеет повысить уровень доверия. Это же такой соблазн – заманить архангела в Шеол, а там уничтожить его со всей злобной изощренностью!

Сатан прошипел:

– Слишком невероятно.

– В этом и успех, – ответил Азазель. – Для победы нужно что-то совсем невозможное. Чего никогда не было... И чего противник не ждет.

Сатан некоторое время в великом раздражении ходил по гостиной взад-вперед, мебель то ли сама поспешно отползала с его пути, то ли ее убирал пристально наблюдающий за гостем Азазель, Михаил не понял, только следил за обоими затаив дыхание.

На столе снова наполнились бокалы, а рядом с первой бутылкой появилась другая, вино в ней показалось Михаилу запекшейся кровью.

Сатан лишь повел в ее сторону глазом, но прошел мимо. Кресло по мановению его руки послушно подползло к его ногам, он царственно сел, уже взяв себя под контроль, некоторое время рассматривал Азазеля очень строго и серьезно.

– Значит, – сказал он уже ровным голосом, – если поверить во всю эту невероятную ахиною, то контакты налаживали давно? Такую кооперацию сразу не установишь.

– Вряд ли давно, – возразил Азазель. – Ты бы ощутил по каким-то косвенным признакам! Сатан невесело скривился.

– Да я сейчас и ощутил, но копать еще не начал... Ладно, я тебе верю.

– Ну спасибо...

– Так что ты предлагаешь?

Михаил едва не охнул, но спохватился, пока Сатан не понял, что он хоть и человек, но если так быстро сумел восстановиться после схватки с ним, то вполне может и услышать из кухни весь разговор.

Сатан как почуял нечто, бросил в его сторону острый взгляд, однако Михаил все с тем же тупо-равнодушным лицом мыл посуду под горячей струей воды, тщательно вытирал полотенцем и совершенно, ну совершенно ничем больше не интересовался, как и положено идеальному солдату. Или тому, кого считают идеальным, что значит – тупым и послушным.

В прихожей прозвенел домофон, на большом экране появились лица Бианакит и Обизат, довольные и сияющие, Обизат прижимает к груди большого плюшевого медвежонка и зеленого крокодила размером с мейкуна.

– Мы закончили, – сообщил Бианакит. – Оби сделала только три промаха в самом начале, а потом все пули в десятку!

Обизат прокричала счастливым голосом:

– И выиграла главные призы!

Михаил сказал шепотом:

– У нас гость... Меня выставили на кухню, чтобы не мешал. Вам тоже лучше погулять возле дома или посидеть в кафе на той стороне улицы. Азазель ведет важные переговоры, просто важнейшие! Не спугнуть бы...

Их лица на экране домофона стали серьезными и даже торжественными, Бианакит сказал сразу:

– Позвоним через полчаса. На твой смарт.

– Извини, Биан, – сказал Михаил с неловкостью.

– Все в порядке, – ответил Бианакит.

Экран погас, Михаил вернулся к столу на кухне, через плечо время от времени поглядывал на гостиную, где Сатан зло и требовательно всматривался в лицо Азазеля.

– От кого узнал о заговоре?

Азазель покачал головой.

– Всерьез думаешь, что вот так и скажу?

– Но хотя бы, – сказал Сатан со злобой, – источники достоверные?

– Ты же поверил, – напомнил Азазель. – А ты такой жук, которого непросто в чем-то убедить. Да и сам чувствуешь нечто... так что давай не будем за рыбу гроши.

Глава 8

Сатан прошагал тяжелыми шагами к креслу, плюхнулся на сиденье, лицо полыхает гневом, но Азазель смотрит мирно и почти благостно, Сатан потребовал зло:

– Что знаешь еще?

– Знаю, – ответил Азазель, – где примерно расположено...

– Где?

– Потом, – ответил Азазель уступчиво, – всему свое время. А то ринешься туда и все напортишь. Ты все еще не остыл после той великой драчки, буквально эпической... К сожалению, я не успел узнать имена всех, а что успел... гм... к таким трудно подобраться. Как понимаешь, Князя Ада с охраной в своих замках, а всякие там архангелы и вовсе недоступны...

Сатан покачал головой, смолчал, а со стола исчезли бутылка и фужер, моментально появившись у него в руках.

Михаил заинтересованно наблюдал, как Властелин Ада собственноручно наливает себе вина; к чему бы это, разве что желает показать Азазелю, что руки не дрожат, полностью владеет собой, что поддается любому порыву гнева.

Голос Сатана тоже прозвучал ровно и без признаков ярости:

– И как собираешься действовать?

Он поднес полный до краев фужер к губам, сделал глоток, но все же не удержался, тут же осушил до дна, после чего в раздражении швырнул о стену.

Правда, осколки исчезли еще на пути к полу, то ли сам Сатан спохватился, то ли Азазель сгладил неловкость.

– Я? – переспросил Азазель. – Думаю, это больше твоя проблема.

– Насколько я понял из твоих же слов, – сказал Сатан резко, – речь о захвате этого мира. На мою власть в преисподней посягают только так, попутно, верно?

– Верно, – согласился Азазель. – Это больше моя проблема. Хотя и твоя в немалой мере. Архангел и Князь Ада, работающие вместе, сильнее любого как архангела, так и князя Ада. В том числе и тебя. Не тревожит?

– Неприятно, – согласился Сатан с упрямством в голосе, – но не критично. А вот захват земного мира...

– Я прорабатываю план, – пояснил Азазель скромно. – Сам понимаешь, в лоб мы не одолеем.

Михаил затаил дыхание. Сатан не среагировал на «мы», это значит, что он уже согласился с доводами Азазеля.

Некоторое время Сатан молча морщил лоб, наконец поднялся, огромный и величественный, глаза блеснули грозным огнем.

– Тоже все обдумаю. Может быть, сам предложу план.

Азазель взмахнул рукой сверху вниз, пальцы держал выпрямленными и плотно сжатыми, пространство затрещало, так показалось Михаилу, как распарываемая острым ножом парусина.

Портал выглядит жутко, словно открытая рана, из которой вот-вот хлынет черная кровь. Сатан взялся за края, но обернулся, указал взглядом в сторону кухни.

– А твой помощничек не пропустил ни слова. Похоже, он и видел нас, даже когда заходил за выступ... во всяком случае, так показалось.

Азазель ухмыльнулся.

– Ты сам это допустил, не ври.

– Да, – согласился Сатан. – Даже не знаю, зачем это сделал.

– Знаешь, – возразил Азазель.

На узких губах Сатана промелькнуло нечто вроде улыбки. Он сделал шаг, портал быстро сдвинул за ним края. Пространство с такой поспешностью начало заращивать рану, что Михаилу почудился вздох облегчения.

Азазель вылез из кресла, повернулся в сторону кухни.

– Эй, Мишка!.. Не спи. Ты в самом деле ничего не пропустил?

Михаил с тарелкой в руках и полотенцем вышел в гостиную.

– Что велите, сагиб?.. Да, слышал все. А что, Сатан это знал?

Азазель потянулся, словно сидел в кресле полдня безвылазно.

– Этикет был соблюден, – пояснил Азазель, – ты не присутствовал на встрече глав, а, как принято у слуг, подслушивал под дверью и подсматривал в замочную скважину.

– Ну ты и гад!

– Главное, – сказал Азазель наставительно, – результат. Я избавлен от пересказывания. Осталось только комментировать непонятное, а тебе же все непонятно, да?

– Иди ты, – ответил Михаил. – Все понятно, все. Общались, как два пьяных мужика в корчме. Пережевывали и пережевывали, когда и так все ясно.

– Это намеренно, – пояснил Азазель. – Чтобы потом не сказал, что такое не говорил, не обещал... Мы же не ведем записи! Ввиду особой секретности, понял, сизокрылый?

– И как собираешься действовать? – спросил Михаил.

Азазель взглянул на него с укором.

– Ты прям как Сатан, слово в слово... Хотя чего спрашиваю, вы же с ним братья, ближе друг другу, чем два сперматозоида из одного неназываемого в приличном обществе источника. Пока не знаю, но есть идея побывать в Шеоле, там, где... Самое страшное место, седьмой уровень Ада, последний... Тебе понравится!.. Ты же экстремал, верно? Диванный экстремал-экстремист?

Плечи Михаила передернулись сами по себе, он ощутил, как по телу пробежала холодная дрожь, но не ушла, а завязла где-то в районе живота.

– На каждом уровне, – проговорил он дрогнувшим голосом, – огонь жжет в шестьдесят раз сильнее, чем в предыдущем?

– Округляешь? – поинтересовался Азазель. – Вообще-то, если быть точным, я же математик, в шестьдесят один. Тебе понравится, как я уже сказал! Как поэт-романтик говорю.

Михаил вздрогнул:

– Если в Гееноме удалось приспособиться, то... как в Шеоле? Там вообще как в недрах Солнца?

– Грамотный, – сказал Азазель уважительно. – Но не трусь, ты же элементар! Должен мгновенно к огню, морозу, ветру и смене конституции. Хотя к смене конституции больше либералы... они всегда за, а потом всегда против. А ты все еще монархист почему-то! Не стыдно? ... В Шеоле бодрящий такой морозец тоже есть, есть... В отдельных местах. Что-то близкое к абсолютному нулю. Но не ноль, не переживай! Где-то на полградуса, а то и на целый выше. Жара, в общем.

– Ну спасибо, – сказал Михаил. – Добрый ты. Всегда находишь, чем обрадовать.

– Для команды стараюсь, – ответил Азазель. – Как отец-командир отвечаю перед своей как бы совестью, хоть я и бессовестный.

Михаил подумал, пробормотал в затруднении:

– Как я слышал, между уровнями Ада расстояние в триста лет пешего хода. Мы, понятно, в Гееном одним прыжком... А потом? В круг Врат Молчания?

Азазель покачал головой.

– Ишь, расскался, как кузнечик какой легкомысленный!.. Ты же не турист, чтобы побывать во всех кругах Ада и посэифиться?.. Не-ет, сразу в Шеол, дабы контраст, так контраст...

А вот там да, нужно перевести дух и... даже не знаю еще. В землях, где расположен портал, правит Ваал, но сам портал курирует, как ты если помнишь, Брулефер...

Михаил слушал внимательно, а когда Азазель умолк и развел руками, поинтересовался:

– А кто такой Кайдо? О нем сказал Гамалиэль, если помнишь.

– Первенец Сатана и Лилит, – ответил Азазель незамедлительно, – а что?

Михаил сказал медленно, сам ощупывая свою идею и взвешивая ее на ладонях:

– А Кайдо не пытается отвоевать свои земли?

Азазель поморщился.

– Он хоть и первенец... или потому что первенец и уже постарел?.. В общем, в конце концов ушел из бойцов, стал даже не знаю кем... Но, Мишка, а ты подал идею!

– И Сатана легче тебе будет привлечь, – сказал Михаил уже увереннее. – Все-таки его первенец, как бы Сатан ни был равнодушен к своим детям.

– Лишь бы сам Кайдо восхотел вернуть свои земли, – сказал Азазель. – Я знаю, как многие все бросали, все меняли, уходили...

Звякнул смартфон, Михаил поспешно выудил из нагрудного кармана и мазнул пальцем по экрану. Появилось серьезное лицо Бианакита.

– Как? – спросил он коротко.

– Закончили, – ответил Михаил. – Ждем обоих.

Экран погас, Азазель отступил на шаг.

– Сам расскажешь, а я пока подготовлю кое-что. На этот раз придется очень даже... Тот рейд по охране сына Божьего, кем его считают фанатики, покажется легкой прогулкой по курортным местам.

Михаил зябко передернул плечами.

– Любишь говорить приятное, я давно понял.

Он открыл входную дверь, из кабинки лифта вышли Бианакит и Обизат с призами, веселые и довольные. Обизат сразу начала счастливо верещать и рассказывать, как стреляла в тире из пистолета и винтовки, как это интересно, как здорово, восхитительно и просто необыкновенно, ей обязательно нужен пистолет для ношения, а лучше два.

Михаил смотрел в раздумывавшееся лицо этого ликующего ребенка и не мог представить, что она сильнее Аграт, как вскользь обронил Азазель.

Аграт смуглая, черноволосая, хищная, в каждом ее движении он всегда видел сильного и свирепого зверя, и даже когда приветливо улыбалась, понимал, что может и укусить, а зеленоглазое наивное чудо по имени Обизат вроде бы только и умеет, что мурлыкать и ластиться...

Но сейчас вот, как подтвердил Бианакит, моментально усвоила стрелковое оружие, и, похоже, стрелять ей нравится больше, чем нюхать цветочки.

Азазель выслушал, сказал милостиво:

– Без промаха, значит?.. Хорошо, будешь у нас стрелком. Из-за спины Мишки повелеваю бить всех, кто на него посмотрит не так, как тебе хочется... Э-э, мне можно!.. Своих вообще бить нельзя, даже если рассердишься. Биан, проследи, чтобы ее снаряжение соответствовало.

– Когда выступаем? – спросил Бианакит.

Азазель приложил палец к губам в жесте «Госдеп подслушивает!».

– Сие тайна великая есть, – сказал он нравоучительно. – Не государственная, и даже не корпоративная, что уже выше государственной, а общечеловеческая... Да, таких еще не было, но мы глобализуемся, а то и глобализируемся!

– Мы? – уточнил Бианакит.

Азазель кивнул.

– Мы, а заодно и человечество.

Михаил пробормотал:

– Как ты с ходу узнаешь демонов? Для меня если с рогами, то демон, а если без, то как бы человек...

– Не суди по внешности, – изрек Азазель. – Вон Хокинз был с виду демон, а таких и среди людей найти непросто! Мишка, Творец все предвидел, когда создавал человека. Тогда всех оскорбило его повеление поклониться человеку и признать хозяином этого мира, однако первые же люди, попавшие в ад за грехи, начали незаметно для всех и даже для себя менять мир преисподней.

– Вступая с демонами в браки? – уточнил Михаил.

– Это тоже, – подтвердил Азазель, – хоть такое пришло позже, когда грешники начали получать льготы и укреплять свое положение. Сперва за ценные советы, что помогли простым демонам, обслуживающим котлы, продвигаться по службе... Дети грешников и демонов уже становились похожими на людей, а внуки-правнуки так и вовсе... Почти все нынешние демоны, сам понимаешь, потомки демонов первого поколения и людей. Старых, неизменных, меньше четверти всего населения преисподней.

Он с удовольствием посмотрел на его ошарашенный вид, подмигнул и вышел на лоджию. Михаил видел, как там коротко переговорил по смарту, лицо падшего становится все озабоченнее, а когда сунул пластинку в нагрудный карман, некоторое время пребывал в нехарактерной для него задумчивости.

Михаил прервал разговор с Обизат, шагнул навстречу, когда Азазель вернулся в комнату, однако Азазель остановил его жестом и сказал властным командирским голосом:

– Напузыривайтесь на дорогу! Проверьте снаряжение, укрепитесь духом. Телом тоже можно, хотя и так уже пингвины.

Михаил поинтересовался:

– А ты куда-то намылился?

– Ненадолго, – сообщил Азазель. – Думаю, за сутки управлюсь. А вы пока здесь посуду не побейте. Мишка, можешь взять машину! Покажи Обизат город, раз уж ей, бедненькой, предстоит здесь жить и терпеть твое общество. Биан...

Бианакит сказал беспечно:

– У меня есть чем заняться. Во-первых, по Интернету могу увидеть и понять больше, чем Михаил и Оби усмотрят своими глазами, а во-вторых, у тебя прекрасный винный шкаф. Я имею в виду третий, за потайной дверью.

– Свинья, – сказал Азазель беззлобно. – Ничего от вас не спрячешь. В общем, я отбыл!

Он нарисовал в воздухе загогулину, но не пропал из виду, как подспудно ожидал Михаил, а хохотнул и вышел в прихожую, оттуда шагнул в тот самый чуланчик.

Михаил успел увидеть в щели под дверью нечто вроде короткой и беззвучной вспышки. В прихожую оттуда просочилась быстро тающая струйка холодного воздуха, явно Азазель сейчас уже где-то на Крайнем Севере или в Заполярье...

Бианакит и Обизат все еще за столом на кухне, Бианакит сказал Михаилу рассудительно:

– Рюкзаки лучше собрать сразу. Азазель потребует полной готовности, как только вернется. Михаил, он что-то велел нам рассказать?

– Ничего не велел, – ответил Михаил честно. – Но и не запрещал...

Он опустил в кресло, Сири поставила перед ним большую чашку с горячим кофе, Михаил откинулся на спинку, чувствуя полный покой и счастливое успокоение во всем теле.

Азазель сумел обставить свою кухню так, что в ней чувствуешь себя уютнее, чем где-либо в мире. Сири при виде гостей всегда спешит накрыть на стол, это считается признаком успешной и гостеприимной хозяйки, а она старается ей соответствовать в надежде, как однажды объяснил Азазель, что после ряда лет совместной жизни он все-таки предложит ей руку и сердце, как часто практикуется у людей.

Обизат, такая же простодушная, как и Сири, сразу поверила и всячески старалась помочь ей достичь цели, хотя на самом деле это Сири больше учила ее, чем она Сири.

Сейчас за столом пили кофе по-азазелевски, что значило по обязательному великанскому бутерброду с огромным куском жареного мяса, который нужно съесть до того, как чашка опустеет.

А вторую чашку, следуя мудрому и продуманному учению от Азазеля, полагается сразу же за первой, но уже с сахарным печеньем и прочими восточными сладостями.

Глава 9

За окном разгорался зловеще-прекрасный закат, вся западная часть неба в небесном пожаре. Михаил постарался сдержать дрожь в теле, чтобы не заметили Бианакит и Обизат, для них мир в красных тонах привычен с момента появления на свет, где реки расплавленной магмы, зарево изрыгающих массы огня и раскаленных камней вулканов, а вот для него и здешний закат теперь долго будет ассоциироваться с Адом и его озерами кипящей лавы.

Оба слушали пересказ разговора Сатана и Азазеля с напряженным вниманием, Обизат пару раз судорожно вздохнула, Михаил взглянул с тревогой, она кивком с виноватым видом попросила продолжать и не обращать на нее внимания.

Когда он закончил тем, что Сатан ушел, но обещал вернуться и принять участие в экспедиции, Обизат с облегчением вздохнула, а Бианакит поинтересовался:

– А ты знаешь, где этот портал?

– Как бы не знаю, – ответил Михаил скромно. – И вы пока о нем забудьте вообще, пока не окажемся в том месте.

– Азазель рассердится? – спросила Обизат.

– Прибьет, – ответил Михаил. – Хотя и мне ничего не сказал.

– Он и Сатану не сказал, – сказала Обизат и добавила с гордостью: – А моему господину и повелителю доступны все секреты Азазеля!.. Когда отправимся?

Михаил пожал плечами, Бианакит произнес назидательно:

– Дело воина – рваться в бой, дело командира – не торопиться.

– Надеюсь, – сказала Обизат, – до утра он вернется.

Михаил оглянулся на гостиную, где во всю стену на экране идет бомбежка крылатыми ракетами очередного района Ближнего Востока.

– Оби, мне велено показать тебе ночной город... Ладно, предложено. Если хочешь... А то когда еще? И будет ли у нас время для ночной прогулки?

Обизат вскочила, сияющая и радостная.

– Ой, как здорово!.. Хочу, спасибо!

Бианакит затребовал еще большую чашку кофе и, получив от Сири, поднялся.

– А я на диван... Оказывается, смотреть, как дерутся, еще интереснее, чем самому получать оплеухи. А вы проветритесь в свежем обензиненном воздухе индустриального мегаполиса!

Днем в Москве живет один народ, деловой, стремительный и полный энергии, по улицам проскакивают, как молодые олени через открытые поляны, а к вечеру эти люди исчезают, а взамен появляются совсем другие: медленные, неспешные в жестах и движениях, одетые празднично, во всяком случае, по сравнению с теми существами, что носятся как угорелые днем.

Кафе и кафешки, полупустые днем, вечером заполняются чуть ли не полностью, даже на тротуар выносятся стулья, яркий свет падает не столько от фонарей, как от празднично освещенных витрин, рекламных щитов, светящихся надписей на фронтонах и, главное, подсветки прожекторами зданий, что из светящегося солнечного дня уходят ввысь в темную непроглядную ночь.

Обизат сперва чинно шла рядом, но быстро усмотрела, как ведут себя другие девушки с парнями, начала сперва робко брать его за руку, прижиматься боком, потом вообще переплела пальчики с пальцами его руки и шла так рядом, счастливая до глубины души.

Михаил приметил впереди киоск с мороженым, сказал Обизат:

– Подожди, захвачу для тебя лакомство!

Мороженщик бросил взгляд на Обизат и наполнил два вафельных стаканчика, Михаил сказал, понизив голос:

– Еще два.

Расплатился, мазнув пальцем по экрану смартфона, подхватил все четыре стаканчика и вернулся к Обизат.

Она обратила на него задумчивый взгляд, но лицо просияло, когда увидела мороженое в его руках.

– Ой, как я это люблю!

Он сунул ей три стаканчика, поинтересовался:

– У тебя ошарашенный вид, что-то случилось?

Она покачала головой.

– Нет. Просто один из мужчин ухватил меня вот тут сзади и сказал, что у меня классная жопа! Это хорошо?

– Жопа, – пояснил он, – это хорошо и даже прекрасно. Про жопы теперь даже сонеты сочиняют! А еще рисуют, фотографируют, во всех сетях и твиттерах одни жопы... Везде жопы, как раньше были сиськи. Но вот то, что хватают без твоего разрешения, – это харассмент.

Она в задумчивости наморщила лоб.

– Значит, надо разрешить?

– Лучше не стоит, – заверил он. – Такие ребята на хватании не остановятся. Но, если хочешь, можешь таким ломать руки. Все равно жаловаться не побегут, сами виноваты. А у тебя законная самозащита.

Ее невинное личико просияло чистым детским счастьем.

– Ой!.. Правда, можно ломать? Конечно же, это интереснее!

Все три стаканчика съела раньше, чем он отглотнул половинку своего, лопала со смачным и веселым хрустом, как свежие молоденькие огурчики.

Он полюбовался на ее блестящие глаза.

– Какая ты прелесть...

Она облизала пальцы, еще не понимая, что делает это настолько эротично, что на нее начали оглядываться не только мужчины, но и женщины.

– Правда?.. А как быть еще прелестее? Мой господин, я хочу тебя радовать...

Она прервала себя на полуслове, из распахнутых дверей бутика вышла яркая женщина в модной шляпке и с модной сумочкой на плече, юбочка короткая, на топике рисунок с улыбающейся лисой, запнулась на ходу, заметив Михаила, затем пошла быстрым шагом, догоняя.

– Макрон!

Он обернулся, она бросилась ему на шею, с ходу вцепилась в его шею, но когда намерилась впиться в губы, Михаил придержал ее.

– Стоп-стоп, Аэлита!.. То я был последним подлецом, а сейчас вдруг такая... жаркая встреча...

Она чуть отстранилась, но, не выпуская его из рук, очаровательно заулыбалась.

– Макрон, – сказала она с укором, – ты же исчез так внезапно, потом пошли слухи, что погиб...

– Такие слухи были и раньше, – напомнил он.

– Ну да, – согласилась она, – а я всякий случай тревожилась! Ночами не спала...

– Еще бы, – ответил он. – С нашим Землепроходцем разве заснешь.

Ее глаза округлились, сама невинность, обиженно надула губки, и без того полные и сочные, как спелые черешни.

– А что мне оставалось делать? – спросила она. – Он всегда готов утешить обиженную девушку... Ты в Москву надолго?

Он указал взглядом на Обизат, та нахмурилась и молча изучала эту разноцветную, как бабочка, красотку. Ярко-зеленые глаза потемнели, словно трава, на которую пала тень грозовой тучи.

– Мы с напарницей, – ответил Михаил коротко, – в командировке. Ее зовут Обизат.

Аэлита сказала с огорчением:

– Даже дома в командировке?... А напарница у тебя хорошенькая. Она что, тоже стреляет или... для других дел?

Обизат решила, что пора и ей ответить, произнесла холодно и с достоинством:

– Я умею делать все, что требуется от напарницы и... женщины.

Аэлита еще больше округлила глаза, а еще и рот.

– Ой... какая она у тебя... Макрон, не исчезай! Вон кафешка. Давай я угощу тебя и твою... напарницу кофеом с круассанами, здесь их готовят лучше всех в Москве.

Михаил покачал головой, но Обизат сказала неожиданно:

– Что такое круассаны?... Хочу попробовать.

Аэлита победоносно и несколько снисходительно улыбнулась.

– Макрон, нас двое, ты один. Пойдем! Не бойся, не покусая... в этот раз.

В кафе непривычно пусто для теплого тихого вечера, из полдюжины столиков занят только один, Аэлита усадила Макрона так, чтобы он видел вход и кухню, мужчины всегда садятся так, очаровательно улыбнулась Обизат.

– Сейчас будут круассаны...

Она помахала рукой скучающей у стойки бара официантке, та вытащила из кармашка блокнотик и неспешно направилась к ним. Михаил видел, как Обизат присматривается к Аэлите, та тоже поглядывает на нее с интересом, но снисходительно, женским чутьем уловив полное превосходство.

Официантке быстро продиктовала заказ, повернулась к Обизат:

– У тебя интересное имя. Макрон отловил тебя где-то на другом конце шарика?

Обизат ответила ровно:

– Он смертельно ранил меня в пещерах подземного города... С тех пор я служу ему и хочу носить в чреве его дитя.

Аэлита в изумлении откинулась на спинку кресла, некоторое время рассматривала Обизат во все глаза.

– Какая, – произнесла она в некотором замешательстве, – откровенность...

Обизат поинтересовалась:

– А ты уже носила от него в своем чреве?

Аэлита отшатнулась.

– С чего бы?... Я вообще не собираюсь заводить детей!.. По крайней мере, в обозримом будущем. Ни от Макрона, ни вообще... Думаю, я вообще чайлдфришница.

Макрон смолчал, упоминание о чайлдфри хоть и непонятно Обизат, но вот то, что эта яркая женщина не носила и не собирается носить под сердцем от него ребенка, заметно успокоило. Судя по ее лицу, почти расположило к Аэлите, как к увечной или совсем уж изгнанной из рядов достойных женщин.

– Сочувствую, – произнесла она ровным голосом.

Аэлита улыбнулась.

– Да-да, никто не скажет вслух, что завидует. Хотя и так понятно.

Официантка принесла три чашки двойного эспresso, полное блюдо круассанов.

Аэлита брала нежное печенье двумя пальчиками и красиво откусывала белыми жемчужными зубами, изумительно ровными и блестящими, глаза ее сияют победным блеском красивой и уверенной в своей неотразимости женщины.

Обизат сделала большой плоток кофе, Аэлита в изумлении вскинула брови, кофе почти кипяток, но эта хрупкая малышка с короткой стрижкой огненно-красных волос совершенно не обращает внимания на температуру, тут же с азартом ухватилась за неведомое ей лакомство.

Первый же круассан исчез в ее рту, словно бросила в бездонный колодец, остальные брала по одному, но ела с той же скоростью, как если бы щелкала семечки.

– Надоел сухой паек? – сказала Аэлита сочувствующе. – Да, Макрон тоже вот так, когда возвращался... издалека.

– Что такое сухой паек? – поинтересовалась Обизат. – Да, эти... круассаны очень даже... Макрон поинтересовался:

– Как там Гвоздь и Гнатюк?.. Не хотят вернуться к прежней жизни?

Аэлита рассмеялась.

– Поговаривают, но это так, мальчишество. Оба осели крепко. Заработанное вложили умело, есть связи, живут в довольстве. Говорить одно, а встать с дивана и вернуться снова в огонь... нет, не пойдут. Это ты последний в мире романтик...

– Осели крепко? – уточнил он. – Обросли семьями?

Она красиво улыбнулась.

– Семья теперь никого не держит. Но Гнатюк в самом деле живет уже с одной, а Гвоздь пока перебирает, ищет подходящую... Выбор большой, у тебя в команде были крутые мужчины, все женщины о таких грезят... но связывать жизни с такими не спешат, пока вы в частных армиях. А вот когда вернулись с большими деньгами и решили завязать...

Обизат и поинтересовалась:

– А пойти рядом с ними?

Аэлита красиво округлила брови, голос ее прозвучал с ласковой насмешкой:

– Девочка, мы же не в кино.

Обизат заткнулась, Михаил видел в ее глазах замешательство, как это не в кино, разве жизнь и кино не одно и то же, а разве так возможно?

Михаил, занимаясь кофе и круассанами, заметил, как у обочины на большой скорости остановился, резко затормозив, большой черный «Гелендваген».

Вышли четверо мужчин и, не делая ни одного лишнего движения, направились в их сторону вроде бы медленно и неспешно, но очень быстро оказались перед входом в кафе.

Глава 10

Обизат обратила на них внимание, когда вошли один за другим, но к ним двинулись, рассредотачиваясь и делая вид, что выбирают столик.

Один сразу приблизился к Михаилу и, наклонившись к уху, прошептал:

– Хорошо, что ты вернулся, Макрон!.. Я Запевала, но ты вряд ли меня помнишь, а вот Трубача ты не забыл точно. Он, кстати, жаждет пообщаться. Поднимайся, но очень медленно. Если что, пуля из «вальтера» разорвет твою печень в клочья. Умрешь сразу, но боссу скажу, что ты помучился, орал и катался по полу, ему будет приятно.

Судя по помертвевшему лицу Аэлиты, она расслышала, застыла. Обизат тоже не двигалась, поглядывая то на него, то на Михаила.

Михаил помедлил, надо бы прикинуться испуганным, но как можно, когда рядом две молодые женщины, наконец сказал нейтральным голосом:

– Хорошо-хорошо, не нужно стрельбы!.. Я пойду с вами. Это ваш «гелен» у обочины?

– Хотел бы на золотом «Феррари»? – спросил Запевала. – Ты недостаточно хорош для шикарных машин. Поднимайся!.. Двое наших останутся с твоими женщинами и допьют ваше вино. Надеюсь, заказали хорошее?

Михаил поднялся, Обизат ждет, Аэлита замерла в ужасе, уже побелевшая и с дрожащими губами, он сказал мирно:

– Обизат... позаботься здесь, я за тобой скоро вернусь.

Конвоир хмыкнул, еще двое заулыбались, Михаил видел, как и без того застывшее лицо Аэлиты из смертельно-бледного стало мертвецки-желтым.

– Хорошо, – ответила Обизат ангельским голосом, – буду ждать, мой господин. Трупы не прятать?

– Не стоит, – ответил Михаил. – Я вернусь быстро.

Михаил вышел неспешно, не делая лишних движений, упертый в правый бок ствол напоминает, что пуля в самом деле разнесет печень, стоит только дернуться.

Двое остались в кафе, Запевала полуобнял Михаила, для редких прохожих смотрятся как уже выпившие и веселые, но ствол пистолета все так же незаметно упирается между ребрами.

Второй забежал вперед и распахнул заднюю дверь «Гелендвагена».

– Залезай!.. Медленно влезай, медленно...

Михаил влез медленно и без лишних движений, конвоир сел рядом, второй забежал с другой стороны, открыл дверцу и плюхнулся рядом.

Водитель оглянулся, еще молодой, вид не бойцовский.

– Едем?

– Гони, – велел старший.

Обизат беспечно грызла круассаны, официантка принесла заказанное вино и снова исчезла на кухне, двое мужчин сидят достаточно спокойно, наблюдают прищуренными глазами, один занял место рядом с Аэлитой, другой сел возле Обизат. Этот посмотрел, как она весело и беззаботно налила себе и Аэлите вина, хмыкнул и положил ей ладонь на талию, а затем опустил ее ниже.

– Э-э, – прощептала Обизат тем же счастливым голосом, – там меня может трогать только мой господин и повелитель...

Громила буркнул:

– Теперь я твой господин и повелитель.

– Да? – переспросила Обизат и нежно обняла его за шею. – Правда?

Аэлите почудился хруст шейных позвонков, второй охранник насторожился, спросил резко:

– Что за...

Обизат неуловимо быстрым движением метнула столовый нож. Аэлита охнула, нож из руки этой девочки с красными волосами исчез, в раскрытом рту охранника появился только кончик ручки.

У бордюра остановился большой черный внедорожник. Михаил выскочил с правого сиденья, бодрый и собранный, Обизат рассмотрела сторбившегося за рулем водителя, а Михаил быстрыми шагами вошел в кафе.

Обизат спросила щебечущим голосом:

– Что так долго, мой господин?

– Нужно было съехать с людной улицы, – пояснил он.

Аэлита поднялась, все еще бледная и трепещущая.

– Ну, Макрон...

– Что-то случилось?

Она указала на улыбающуюся Обизат.

– Эта девочка... она их... убила!

– Какие страшные слова, – сказал Михаил с укором. – Неинтеллигентно. Просто устранила... Извини, нам нужно спешить, договорим в другой раз. Обизат...

Он бросил на стол крупную купюру, Обизат торопливо заспешила с ним к автомобилю, а когда села на заднее сиденье, обнаружила два тела под ногами, а за рулем насмерть испуганного водителя, пристегнутого полицейским браслетом к рулю.

– Гони, – велел Михаил.

Водитель пролепетал:

– К-к-куда?

– Куда и собирался везти, – ответил Михаил. – Через дворы, чтобы где-то оставить твоих соратников.

Водитель послушно остановил в ближайшем безлюдном и малоосвещенном дворе у мусорного бака, Михаил быстро забросил туда трупы, за это время водитель совсем съежился, явно Обизат сказала что-то не очень-то успокаивающее.

– Погнали, – велел Михаил.

Он сел с ним рядом, водитель послушно вывернул руль, встраивая автомобиль в редкий поток скользящих по ночному шоссе машин, сказал просительно:

– Я не с ними!.. Меня заставили... Я в таких делах не участвую... Не убивайте...

– Мы не убиваем, – ответила Обизат. – Мы устраним.

Она протянула руку к его шее, Михаил сказал:

– Да черт с ним. Проявим милосердие.

Обизат спросила изумленно:

– Разве это не признак слабости?

– Это признак силы, – ответил Михаил. – Вези по указанному тебе адресу. Там отпустим.

Водитель послушно закивал, Михаил сказал строго:

– И никому ни звука!..

Он покосился на восторженное личико Обизат, для нее это все еще сказочный мир, улица смотрится праздничной в свете фонарей и ярких фар, а дома красиво уходят ввысь, но и там во тьме вздымаются исполинские пылающие факелы небоскребов, похожие на вертикально поставленные соты с тысячами плотно сдвинутых широких окон, где свет гаснет только с восходом солнца.

– Как здесь живут, – прошептала она, – как живут...

– Ты же все видела, – напомнил он.

– На экране, – сказала она, – а вот так... меня все еще трясет. Я никогда такого великолепия и вообразить не могла!

– Великолепие еще впереди, – ответил он.

Она косилась на дорогу, где бесшумно проскакивают автомобили, а дальше на залитом яркими огнями тротуаре прогуливаются беспечные люди. Те самые, что утром и днем идут быстро и деловито по каким-то срочным и неотложным делам, а сейчас все спокойные, раскованные и медленные...

Проскочили Кольцевую, машина выметнулась на Симферопольское шоссе и пошла в левом ряду с нарастающей скоростью.

– Не гони, – предупредил Михаил. – Тебе нужно, чтобы за нами увязалась дорожная служба?

Водитель послушно сбросил до ста тридцати, максимальной разрешенной, так ехали минут пятнадцать, затем выскочили на проселочную с хорошим асфальтом, потом вовсе на грунтовую, наконец водитель сказал дрожащим голосом:

– Вон тот дом...

Михаил взглянул на массивный особняк в три этажа в центре участка в пару гектаров, что еще и окружен высоким забором.

– Точно? Если обманул...

– Клянусь, – сказал тот плачущим голосом. – Если нет, вы вернетесь и меня убьете!

– Точно, – подтвердил Михаил. – Ты должен надеяться, что там они нас убьют, а тебя освободят... Обизат, выходи!

Водитель взмолился вдогонку:

– Меня не освободят, а убьют за то, что привез вас сюда! Сжальтесь!

Михаил сказал с брезгливостью:

– Мобильник на сиденье, и уноси ноги. Обратно. Пешком.

Тот все послушно выполнил, кубарем выкатился из автомобиля. Михаил пересел на его место, а Обизат тут же оказалась рядом на правом сиденье.

– Думаешь, не скажет?

Михаил отмахнулся.

– Да это не так важно. Все равно уже приехали, а охрана в любом случае бдит.

Он вырулил автомобиль за деревья, некоторое время маневрировал, подбираясь ближе к особняку, но так, чтобы оставаться за толстыми стволами и пышно разросшимися кустами.

Обизат взглянула вопросительно, когда он остановил машину и заглушил мотор.

– Выходим?

– Запасную обойму, – спросил он, – не забыла?

– Я люблю стрелять, – пояснила она. – Потому взяла две.

Выскользнула из авто бесшумно, даже дверцу притворила едва слышно, пусть остановились на безопасном расстоянии за деревьями, но в ночной тишине звуки разносятся дальше, чем днем, когда и деревья шелестят, и птицы орут, отстаивая от наглых соседей права на участок.

– Как будем?

– Стандарт, – ответил он. – Как ты и смотрела в фильмах. Отстреливай всех раньше, чем успеют выстрелить в тебя.

– Кроме детей и женщин, – уточнила она. – Так?

– Кроме детей, – согласился он. – А насчет женщин сама решай. Женщина с оружием уже не женщина.

Она посмотрела с вопросом в глазах, он уточнил:

– Если та женщина на той стороне.

Обизат просияла.

– Все поняла, мой господин!

– Но будь осторожна, – предупредил он. – Один-два выстрела твоя защита выдержит, но автоматную очередь в упор... даже не знаю.

Присев за кустами, некоторое время всматривались в щедро освещенный лунным светом участок, где массивное здание еще и залито огнем красивых фигурных фонарей, расставленных от забора и вдоль всех дорожек.

Охрана особняка, вооруженная пистолетами и автоматами, прохаживается с той стороны высокого забора из металлических прутьев. Михаил обратил внимание, что пистолеты у каждого в кобуре, но автомат на ремне в таком положении, что не нужно терять секунды, чтобы вскидывать и целиться, достаточно прижать спусковой крючок.

– Хорошая охрана, – прошептал он, – и слишком много открытого пространства.

– Я пробегу, – заверила она.

Он сказал с неловкостью:

– Я очень сожалею, что тогда... в общем, когда наши пули тебе пробили колени...

Она вздрогнула, лицо моментально утратило румянец.

– Мой господин... они бы даже не поцарапали, если бы тот ужасный лаунчер... не разрушил всю мою защиту!

Он сказал торопливо:

– Да и пули теперь есть такие, что пробивают лобовую броню танка. Хотя у них вряд ли такие, но все же будь осторожнее, хорошо?..

Она заверила истово:

– Мой повелитель! Я живучая.

– Жди моего сигнала, – сказал он.

Она послушно замерла, он скользнул в темноту, стараясь слиться с нею. Стражи прохаживаются вдоль забора по той стороне, останавливаются коротко перекинуться словами, поделиться сигаретами.

Улучив такой момент, он перемахнул забор, держась с левой стороны дома, чтобы двое стражей у парадного не видели, быстро догнал медленно шагающего охранника, с силой ударил в затылок и, сорвав с него автомат, скользнул под защиту дома.

Охранник дал прикурить другому, Михаил терпеливо смотрел, как разгорается алый огонек на кончиках сдвинутых сигарет, потом они разделились на два огонька, стражи пошли в разные стороны.

Михаил изготовился, охранник наконец увидел застывшего в лежащем положении напарника, остановился, вытянул по-гусиному шею.

– Борис!.. Ты чего, прикалываешься?

Михаил выстрелил и, не дожидаясь, пока тот рухнет, перевел ствол вправо. Еще двое упали под слишком громкими в ночной тишине выстрелами, а он ощутил появление Обизат еще в тот момент, когда она перескочила забор, быстрая и легкая, как белка.

Пока охранники у главного входа не успели сообразить, что нужно отступить и укрыться за дверью, он выбежал на открытое место, рискуя схватить пулю, короткой очередью заставил их задержаться и выронить из рук оружие.

Выстрелы со стороны Обизат звучат одиночные, все уцелевшие стражи повернулись в сторону Михаила, как он и планировал, Обизат приходится стрелять им в спины, что наверняка задевает ее гордость воина, но спасает нежную шкурку.

– Прикрывай спину, – крикнул он, – и следи за боковыми!

Стиснул челюсти, взвинчивая метаболизм, распахнул тяжелые двери и ступил через порог, готовый стрелять, стрелять и стрелять.

В холл из правой двери вбежали двое, автоматы в руках, но морды заспанные и ничего не соображающие. Короткая автоматная очередь бросила их на пол, тут же по ступенькам лестницы сверху застучали быстрые шаги.

Далеко слева донеслись хлопки трех пистолетных выстрелов. Обизат, похоже, выбрала более короткий путь, проникнув в здание через окно, так ближе, но опаснее, к тому же на окнах первого этажа железные решетки, что, судя по всему, ее не остановило.

Он дождался, когда сбегающий по лестнице покажется в поле зрения, и прижал спусковой крючок. Охранник уже вскинул автомат для стрельбы, но не успел, оступился на ступеньке и покатился вниз.

Михаил ринулся вверх, прыгая через ступеньку. За спиной внизу хлопнул выстрел, это появилась Обизат и приступила к главной цели своей жизни: защитить господина и повелителя, иначе не заполучить от него могучее дитя, которое будет носить и лелеять в своем чреве.

– Не торопись, – велел он строго. – Защищай!

Она послушно кивнула, уже понимая, что даже самые жестокие люди избегают таких слов, как «убивать», «убийство», чаще всего говорят «убрать», а Михаил еще иногда употребляет вообще странное слово «выдирка».

И хотя послушно держится позади, но он заметил, что старается как бы незаметно выдвигаться вперед, прикрыть его, хозяина и повелителя, который все же человек, а человек существо хоть наглое и настырное, но хрупкое и ранимое.

Глава 11

Сверху ударила автоматная очередь. Над головой застучали пули по стене. Посыпались мелкие камешки, Михаил выждал, а когда выстрелы умолкли, тут же понесся вверх, прыгая через две ступеньки.

Из-за стены высунулась кисть руки с короткоствольным автоматом, Михаил тут же выстрелил. Пуля из пистолета ударила с такой силой, что автомат вырвало из руки и отшвырнуло по коридору.

Рука исчезла, донесся сдавленный вскрик. Михаил в одно мгновение добежал до угла и, точно так же выдвинув только пистолет, выстрелил вслепую.

Донесся удар тяжелого тела о пол, Обизат за спиной Михаила крикнула:

– Свалил!

– Не высовывайся, – велел он строго.

– Да, мой господин.

Он выбежал, вдали мелькнули две тени, он дважды выстрелил, тени совсем не беззвучно рухнули на пол.

Сбоку выдвинулась целая группа, Михаил отметил, что Обизат стреляет быстро и точно, нажимает на скобу и тут же берет на прицел другую цель, и все настолько стремительно, словно и не целится, а только водит стволом пистолета из стороны в сторону и быстро-быстро нажимает на спуск.

Когда выбежали на третий, последний этаж, он велел коротко:

– Проверь левое крыло!

Обизат исчезла, он пару мгновений прислушивался. В той части дома, где она исчезла, простучала частая дробь двух автоматных очередей, в ответ ударили мощные одиночные выстрелы, словно из скорострельной пушки. Похоже, Обизат справляется, оттянув на себя часть охраны.

Он перевел дыхание и побежал по коридору вправо. Дверь сбоку распахнулась, выскочил огромный мужчина в прекрасном костюме, тяжелый, как бык, саданул в Михаила всем телом и прижал к стене.

Михаил ударил его в солнечное сплетение, ухватил за одежду и одним движением швырнул себе за спину, откуда падает свет от фонаря до двора.

Если напавший и пришел в себя от удара, пока летел через окно на асфальт, то удар о брусчатку окончательно вышибет дух, а Михаил побежал дальше, там впереди мелькнули тени, он выстрелил трижды.

Двое рухнули как подкошенные, третий оперся о стену и ухитрился дать длинную очередь. Две пули больно ударили Михаила в плечо, остальные просекли дорожку в стене.

Охранник выпустил автомат из рук и сполз на пол. За его спиной массивная дверь, явно пуленепробиваемая, а за нею, как Михаил догадывался, сразу получит в упор пули из двух-трех автоматов.

Торопливо заменил обойму, отступил на шаг к противоположной стене и, упершись в нее спиной, взял пистолет в обе руки. Обостренное чувство рисует на той стороне расплывающиеся силуэты, но некогда ждать, когда устанут, прицелился в ближайший, нажал на спусковую скобу.

Выстрел грянул мощно, отдача подбросила ствол. В стене возникла широкая сквозная дыра, пройдет древко лопаты, а на той стороне силуэт дернулся и согнулся. Михаил выстрелил снова, быстро перевел на соседний и снова потянул на себя скобу.

Стену дырявили широкие отверстия, в силуэт третьего охранника пришлось всадить три пули. Он все еще дергался и пытался встать с колен, когда Михаил пинком распахнул дверь и моментально выстрелил ему в голову.

В роскошном кабинете три распростертых тела на великолепном ковре, кровь тут же впитывается, под противоположной стеной массивный стол, на поверхности ничего, как и водится у боссов, а в кресле на той стороне сидит абсолютно неподвижно крупный мужчина в дорогом костюме и неотрывно смотрит на Михаила.

– Сидеть, – велел Михаил, хотя мужчина и не пытался встать, – обе ладони на стол!.. Вот так. Отвечаем, не двигаясь, а то я что-то стал нервным.

Мужчина ответил медленно, голос его был ровный и достаточно спокойный:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.